

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

РОМАН

ГЛУШКОВ

СОРВАВШИЙСЯ
С ЦЕПИ

Абсолютное оружие

Роман Глушков

Сорвавшийся с цепи

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глушков Р. А.

Сорвавшийся с цепи / Р. А. Глушков — «Эксмо»,
2017 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-089720-9

Недалекое будущее. Евразия тонет. На дне Ледовитого океана свирепствуют вулканические катаклизмы, и он наступает на юг, год за годом отъедая от материка гигантские полосы суши. Пропаций Край — территории, которые скоро уйдут под воду. Покинутые, мертвые и истерзанные частыми землетрясениями. В Пропавшем Краю давно нет закона, но еще есть храбрецы, которые на свой страх и риск продолжают качать здесь нефть. Мизгирь — командир наемников, защищающих бизнес своего хозяина от посягательства конкурентов и бандитов. На самых отъявленных из последних наемники порой устраивают охоту. Она — азартная игра для тех, кому обычные местные развлечения кажутся слишком пресными. Но однажды азарт оборачивается кошмаром, когда в округе появляется тварь, с которой охотники прежде еще не сталкивались...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089720-9

© Глушков Р. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роман Глушков

Сорвавшийся с цепи

*Лицо врага поражает меня тогда, когда я замечаю, как оно
похоже на мое.*

Станислав Ежи Лец

Разработка серийного оформления художника А. Саукова

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете В. Нартова

© Глушков Р., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

«Внимание, водитель! Это шоссе ведет в никуда! Других населенных пунктов дальше нет! Погорельск – северная граница Пропащего Края!» – предостерегал изрешеченный пулями придорожный щит. Не иначе, его успели продырявить из всех видов стрелкового оружия, какое только встречалось в округе. Виднелись даже отверстия треугольной формы – судя по всему, от наконечников арбалетных болтов.

– Э-хе-хе. Кажется, попутку до города мне не поймать, – пробормотал Старик, прочтя надпись на щите. – Сколько там, бишь, до этого Погорельска?

Он присмотрелся к карте внизу щита, и та подсказала ему, что город расположен в двенадцати километрах южнее.

– М-да, прилично. – Старик почесал в затылке. – Однако куда ж деваться? Пойду прогуляюсь. Благо еще утро и спешить некуда.

И он, зябко подняв воротник старомодного плаща, зашагал на юг.

Спешить ему и правда было некуда. День, который Старик ждал целых двадцать пять лет и до которого почти не чаял дожить, все-таки настал, и это главное.

Вот только ничего торжественного в нем не было. Никто не встречал Старика за воротами тюрьмы, да и с погодой не подфартило. Когда его упекли в Святой Острог – в те годы еще обычную колонию строгого режима, – лето было сухое и жаркое. А нынешний промозглый июль больше напоминал конец осени. Тем более что вокруг не наблюдалось ни одного зеленого дерева и трава была сплошь пожухлой.

Шум закрывающихся за спиной железных ворот Острога напоминал стон умирающего исполинского чудовища. Старик поморщился: дрянное напутствие. Тюремный привратник тоже не пожелал ему удачи. Выставил за порог и – гуляй на все четыре стороны. Ну и пусть. Старик четверть века не слышал в свой адрес добрых слов, так почему должен был услышать их сегодня?

Ладно хоть, начальник проводил старейшего острожника по-человечески: выдал ему немного денег и направление в дорожную службу Погорельска. Эта бумага позволит Старика устроиться туда рабочим и получить кров над головой: нары в бараке для несемейных. Конечно, если освобожденный надумает здесь остаться.

Если же не надумает, ему придется гораздо труднее. Выходного пособия не хватит на то, чтобы уехать из Пропащего Края на теплый, спокойный Юг. В этом случае Старик застрянет без гроша в незнакомой стороне, где он будет никому не нужен и где ему никто не протянет руку помощи.

Был и третий путь – вернуться к преступной жизни. Но такой вариант бывший зэк все-раз не рассматривал. За время его отсидки мир стал совершенно другим, и в здешних краях сменилось не одно криминальное поколение. А нынешнее понятия не имело, кем когда-то был Старик, и не окажет ему ни малейшего почтения.

Он знал это, глядя на молодых зэков Острога. Имена их разгуливающих на свободе главарей Старика ни о чем не говорили. Так же как имя самого Старика было для дерзкой моло-

дежи пустым звуком. Он был для нее простым острожником, только и всего. Трудягой, который держался в тени и не искал себе проблем.

Зато работы Старик не боялся. Любой, даже тяжелой.

Это в первые годы заключения он еще выпячивал свой бандитский гонор. Но когда в колонии сменилась власть, а снаружи и вовсе настало безвластье, ему быстро обломали рога. О чем он, впрочем, теперь не жалел. Правильно сделали, что обломали. Занявшись каждодневным трудом, Старик почувствовал, как его шальные мысли пришли в порядок, бунтующий нрав смягчился, а физическая усталость даровала хороший сон. Бездельничать и наживать себе врагов стало некогда. Разве что друзьями Старик тоже не обзавелся. Но, как показала его в корне изменившаяся жизнь, уходя с головой в работу, он мог обходиться и без друзей.

В Остроге Старик всячески избегал неприятностей. И не собирался искать их на свободе. Его все еще крепкие руки могли пригодиться на ремонте дорог? Почему бы нет. Ему некуда было идти, и его никто не ждал. Кроме, как выяснилось, дорожной службы Погорельска. Что ж, и на том спасибо – значит, напрямик туда Старик и отправится.

Единственное, что пока нервировало его на воле, – отсутствие стен. Двадцать пять лет они окружали его – в камере, в мастерских или на тюремном дворе. И теперь, когда его взор ни во что не утыкался аж до горизонта, бывшему узнику становилось малость не по себе. Казалось, дунь ветер сильнее – и он упадет, поскольку ему будет не за что ухватиться.

Но ветер дул и дул, а Старик все не падал. И его одинокая, чуть сторбленная фигура продолжала идти по пустынному шоссе на юг, в Погорельск. Туда, где ему, отныне свободному человеку, пообещали жилье и работу...

Глава 1

– Ты не понимаешь, стрельбан! У нас не было выбора! – вскричал Чегрик. Сейчас он дрожал и от страха, и от холода, поскольку вода, которой комвзвода Мизгирь поливал его из шланга, качалась прямо из скважины.

– Что значит – не было выбора? – удивился Мизгирь, продолжая смывать с пленника грязь и нечистоты. – Тебе что, приставили нож к горлу, когда ты со своими корешами насилдовал дочку хозяина бара «Мазутное счастье»?

– Почти так, – закивал Чегрик, начиная стучать зубами. – Приказ б-братьев Дерюжных страшнее ножа. Ослушаешься – они тебя не п-просто под нож пустят. Сначала они вырежут у тебя из б-брюха кишки, а потом заставят их жрать, пока не п-подохнешь... Х-ватит, стрельбан, умоляю! Я уже ч-чистый!

– Сами братья Дерюжные, говоришь, – хмыкнул комвзвода. – Какая, мать твою, неожиданность! И чем бедная девчонка перед ними провинилась?

– Ты что, не в к-курсе? Петька Д-дерюжный втюрился в нее и подбивал к ней к-клинья. А эта недотрога его отшила. И вдобавок оскорбила п-при всех. Вот Дерюга-младший и слетел с к-катушек. Ладно хоть, убивать девчонку не велел – только отыметь ее по п-полной и лицо изуродовать. Д-да нас самих потом с души воротило! Мы даже в з-запой ушли!

– Ты глянь, какие мы чувствительные! А что же вы просто не сбежали, если эта грязная работа пришлась вам не по нутру?

– Куда бежать, м-мужик?! Сам-то п-понял, что сказал? – Чегрик нервозно хихикнул.

Возразить было нечем. Чегрик прав: мерзавцам вроде него убраться из Пропащего Края чрезвычайно трудно. Автобусы и поезда сюда не ходят, а водители нефтевозов таких попутчиков не берут. Разве только Чегрик угнал бы чей-нибудь автомобиль. Да только он решил, что лучше исполнить приказ сильных мира сего, нежели ссориться с ними.

Окатив напоследок ледяной водой пленнику лицо, Мизгирь наконец-то даровал ему пощаду: закрыл вентиль и, отложив шланг, бросил Чегрику обрывок старой простыни. Тот поймал ее трясущимися руками и, закричав от удовольствия, взялся растирать свое покрытое тюремными наколками костлявое тело.

– Эхма, тяпнуть бы сейчас бухача, а то продрог я после твоего купания как цуцик, – пожаловался насильник. – Может, плеснешь глоток, а? И сигареткой угости, если не в падлу.

– В городе выпьешь и покуришь, когда туда доберешься, – ответил Мизгирь. После чего бросил к ногам Чегрика застиранную слесарную робу и пару стоптанных ботинок: – Одевайся!

– Так, значит, это... и правда отпускаешь? – Пленник недоверчиво взглянул на выданную ему одежду и обувь.

– Я же сказал: сознаешься в грехах – отпущу, – напомнил комвзвода.

– А моих друбанов? – Чегрик указал на оставшихся в выгребной яме Кукиша и Махорку. Стоя по колено в зловонной жиже, они прислушивались к тому, что происходило наверху, так как это в равной степени касалось и их.

– Если тоже раскаются, отпущу и их, – пообещал Мизгирь. И, оглянувшись на стоящих позади товарищей, пояснил: – Мы солдаты, а не палачи. С нас хватит и того, что вы неделю просидели в дерьме и жрали дерьмо. Но если кто-то из вас снова попадется нам на глаза, больше пощады не ждите.

– Будь спокоен, стрельбан, мы здесь не задержимся, – заверил его Чегрик. И, натягивая робу, крикнул приятелям: – Все пучком, бродяги! Хорош играть в несознанку! Эти стрельбаны – правильные мужики. Не ерепеньтесь и делайте, как они говорят, усекли?..

– Подождем еще немного, – сказал Мизгирь, посмотрев на часы. Прошло десять минут после того, как насильники обрели свободу и покинули форпост. – Незачем суетиться. Эти трое – не спортсмены, их легкие прокурены, и бегуны из них так себе. Вдобавок они неделю просидели в Гламурной яме на хлебе и воде. Так что дадим им фору.

– Мы и сами давно прокурены и не бегаем трусцой по утрам, командир, – напомнил ему замкомвзвода Кайзер, снаряжая патроны в свой «ремингтон». – В позапрошлый раз загонщики облажались, потеряв «зверя» из виду. Кабы Боржом не сделал свой удачный выстрел с полукилометра, тот шустрик перебежал бы через шоссе, и поминай как звали. Напомни-ка, что случится, если однажды мы кого-нибудь упустим и братья Дерюжные прознают о нашем охотничьем клубе?

– С братьями как-нибудь договоримся, не впервой, – ответил комвзвода. – Главное, чтобы об этом не прознали хозяева Острога. Пускай «святые» и ярые противники смертной казни, загреметь в их монастырь-колонию до конца своих дней мне не светит.

– Как и мне, командир, – признался Кайзер. – Хотя, готов поспорить, Ледовитый океан придет сюда раньше, чем мы умрем от старости. Поэтому давай выдвигаться. Лучше стрелять мимо, если хочешь дать «зверю» побегать, чем отпускать его слишком далеко.

– Наверное, ты прав, – не стал спорить Мизгирь. И, оглядев охотничью команду, махнул рукой: – Загонщики, вперед! Остальным номерам держать интервал и двигаться в темпе на северо-северо-восток, к шоссе. Короче, все как обычно. Смотрите не подстрелите товарища. Ну а тому, кто делает первый удачный выстрел, Мурат Антонович презентует традиционную бутылку виски!

– Даю слово, черт бы меня побрал! «Лагавулин» шестнадцатилетней выдержки, если вам, обормотам, это название о чем-то говорит! – подтвердил зычным голосом отставной полковник Горюев – бывший комполка Мизгиря, а ныне хозяин нефтяной компании «Горюев-Север», чьи три буровые станции стояли в окрестностях Погорельска. Включая ту, что носила имя «Гордая» и где служил шефом охраны отставной капитан Мизгирев.

Предложение высокого гостя и почетного члена клуба вызвало гул одобрения. Затарахтели моторы квадроциклов, и загонщики – нынче по жребию ими работали Хан и Горыныч, – рванули пугать «зверье», дабы то бежало в нужную сторону. А охотники растянулись в цепь и быстрым шагом отправились по следам Чегрика, Кукиша и Махорки.

Лишних людей в клуб не брали – только тех, кому доверяли. Из пятнадцати охотников восемь служили когда-то под командованием Горюева, а теперь, как и Мизгирь, охраняли его бизнес в Пропащем Краю. Прочие семеро тоже являлись ветеранами Первой и Второй Уральских войн и тоже стерегли горюевские нефтяные скважины. Стрельбаны – так здесь называли всех, кто нанимался на эту работу. Звучало не слишком почтительно, но никто не обижался. Тем более другие обитатели этих земель – бурилы, мазутчики, бочковозы, чистоплюи, трясуны, коновалы и прочие – носили столь же нелюбимые прозвища.

Сам Горюев прилетал на спортивном самолете из Китая, стоило Мурату Антоновичу получить весточку, что ему снова выпал шанс расчехлить свою дорогую итальянскую винтовку. Он прилетал один, без друзей, хотя в его теперешнем деловом окружении наверняка хватило бы желающих поучаствовать в этом сафари. Но нет, полковник знал, чем рискует, если сведения о его хобби вдруг просочатся в прессу. И потому не афишировал никому на Юге, с какой на самом деле целью он летает в Пропащий Край.

– Держись рядом, сынок, – наказал комвзвода Илюхе, своему четырнадцатилетнему отпрыску, для которого эта охота была уже второй. – И не мешкай, как в прошлый раз, если будешь четко видеть цель, хорошо?

– Не стану, батя. Обещаю, – кивнул Илюха, прижимая к груди потертый «винторез». Стрелять он умел, но еще робел, когда в прицел его винтовки попадал человек, пускай «зверье» считалось людьми чисто формально.

– Ловлю на слове, – заметил отец. – Считаю, что ты подписал со мной контракт.

– Да. Но маме это не понравится, – чуть смущенно добавил сын.

– Не дрейфь. Мама нас поймет, – ответил Мизгирь, правда, без уверенности в голосе. Его жена Альбина знала, чем он и его сослуживцы занимаются время от времени на форпосте. Однако ей было невдомек, что с недавних пор сын тоже ходит на охоту, а не только жарит шашлык и топит баню, как она предполагала.

– А если я сегодня первый возьму «зверя», меня тоже наградят виски? – поинтересовался Илюха.

– Само собой. В клубе все по-честному, – заверил его Мизгирь. Но внес уточнение: – Только эту награду ты получишь, когда тебе исполнится восемнадцать, и не раньше. А до этого дня я сохраняю ее у себя в сейфе. Если, конечно, ты не захочешь обменять ее раньше на что-нибудь другое – на то, что тебе позволено.

– На девяносто третий «блэйзер», как у дяди Горыныча?! – блеснув глазами, с надеждой осведомился сын.

– Ишь ты, губу раскатал! – Отец присвистнул. – Да за эту винтовку тебе придется добыть целый ящик виски. Даже у меня такой нет, сам видишь!

Он погладил приклад своего старенького «тигра».

– Вот облом. Значит, про квадроцикл можно и не заикаться?

– Заикнуться можно. Да только ты знаешь, что я тебе отвечу.

– Да уж, помню: вам с мамой такие игрушки не по карману, деньги надо тратить с умом, я у вас в семье не один и все такое.

– Молодец, что не забыл. Теперь дело за малым: вдумайся в смысл этих слов и научись мечтать о чем-нибудь достижимом.

– Эй, парень, как жизнь? Что там с твоей интернет-учебой? – обратился к Илюхе нагнавший их полковник. Капитан мысленно поблагодарил босса за то, что он прервал их разговор, перешедший на неприятную для Мизгиревых тему денег.

– Нормально, Мурат Антонович, – отозвался Илюха и от внимания к нему самого Горюева сразу приосанился. – Год без троек закончил. Только Интернет здесь плохой, с перебоями, но для учебы его хватает.

– Хоть такая связь есть, и то хорошо, – посочувствовал Горюев. – Ничего, к тому времени, когда будешь поступать в институт, вы с семьей переедете на Юг, и ты станешь учиться по-настоящему. Китайский-то зубришь?

– Зубрю помаленьку. Он есть в программе.

– А твой батя?

Илюха растерянно посмотрел на отца.

– Ничего, как только парень свободно заболтает по-китайски, так сразу меня поднатаскает, – отшутился Мизгирь, давая понять, что сам он к переезду на Юг пока всерьез не готовился.

Горюев открыл было рот, собираясь что-то ответить, но не успел. На правом фланге грянул выстрел, а за ним еще один.

– Не слышу доклад! – прокричал Мизгирь в наступившем после стрельбы затишье.

– Первый номер! Не взял! – донесся из-за деревьев голос Малахая, пожилого комвзвода с буровой «Щедрая». – Но подранил. В плечо. «Звери» в полусотне метров впереди, на дне ложбины. Кабы не чертовы деревья, бутылка виски была бы уже моей!

– Размечтался, старый черт, – усмехнулся Мизгирь. И подытожил: – Ну вот, теперь они в курсе, что я им соврал, и побегут во все лопатки. Прибавим шагу! Если не прощелкаете клювами, можете уложить всех троих на склоне ложбины!

– И почему они всегда удирают в одном и том же направлении? – спросил Горюев, выискивая в прицел мелькающих среди деревьев беглецов. – Эта дорога для них что, медом намазана?

– Все просто, Мурат Антоныч, – ответил комвзвода. – Первое, что видят «звери», когда выбегают с форпоста, – дымы китайской ТЭЦ. Потом вспоминают, что она рядом с шоссе, а то ведет напрямик в Погорельск. Иных путей для бегства здесь нет. Вы же летаете над этими землями на самолете и видите, насколько они безжизненны.

– Что есть, то есть, – согласился полковник. – И это еще мягко сказано. Самое обидное, что многие земли пустеют до того, как попадают в цунамиопасную зону. Ты бывал в Теряево?

– Бывал пару лет назад. Симпатичный городишко. «Топ-Нефть» там всем заправляет.

– Заправляла. В прошлом году землетрясение разрушило единственный тамошний мост через реку. Теряево сразу отрезало от мира, «Топ-Нефть» свернула работы, и город обезлюдел. Хотя при удачном раскладе он мог бы простоять дольше Погорельска лет этак на пять-десять.

– Надеюсь, нам подобная участь в скором времени не грозит, – покачал головой Мизгирь. – Не собираюсь я учить китайский в ближайшую пятилетку. Мне сегодняшняя работа еще не надоела.

Глава 2

Охотники шли через сухобор – засохшую на корню тайгу, что в Пропащем Краю была повсеместным явлением. Многострадальная здешняя земля продолжала отдавать нефть и газ, но все живое на ней либо умерло, либо неотвратимо умирало.

Сначала погибли деревья, которым требовалось больше всего жизненных соков. Потом увяли кустарники, а за ними настал черед травы. Она все еще прорастала из земли каждую весну, но зелень недолго услаждала глаза местным жителям. Уже в начале лета трава засыхала, несмотря на дожди, щедро льющиеся на Пропащий Край. После чего июнь в нем, можно сказать, переходил в затяжной октябрь, неизменный до первого снега.

Впрочем, здесь это было не самое унылое зрелище. Севернее, между шестидесятой и шестидесят третьей параллелями – там, где нынче находилось побережье Ледовитого океана, – открывалась картина гораздо мрачнее.

Третий десяток лет океанское дно сотрясали чудовищные вулканические катаклизмы. По их вине северный край Евразийской тектонической платформы опускался все ниже и ниже, а сама она содрогалась от непрерывных землетрясений. Воды Ледовитого наступали, продвигаясь в год самое малое километров на сорок в глубь материка. И ладно бы это напоминало обычный, разве что нескончаемый прилив. Увы, нет. Подводные вулканы обрушивали на сушу цунами одно другого свирепее. После них океан отхватывал новую долю побережья и уже не возвращался в прежние границы.

Более опасного места на земле, чем север Евразии, сегодня не существовало. Волны гнали впереди себя исполинский вал не только из льда и грязи, но и из миллиардов вырванных деревьев. Этот вал представлял собой величайшую дамбу из всех, что когда-либо видело человечество, но толку от нее не было. С каждым ударом стихии дамба перемещалась южнее, перекатываясь через тонущие горы, а мелкие возвышенности и вовсе стирая до основания.

Скандинавский полуостров и треть России были затоплены, а Ледовитый год за годом откусывал все новые территории. Пропащий Край – так называлась полоса земли, которая должна была сгнуться под водой в ближайшие годы.

Жизнь тут была сродни русской рулетке. И без того цунамиопасный океан порой взрывался в масштабах настоящего апокалипсиса. И гнал волну, проносящуюся в глубь побережья сразу на полторы-две сотни километров. За тридцать последних лет такое случалось трижды. И этого хватило, чтобы жители обреченных земель покинули их, не дожидаясь, когда море покажется на горизонте.

Сбежали, разумеется, не все. Кое-кто, напротив, прибывал сюда на свой страх и риск зарабатывать деньги. Выяснилось, что в некоторых районах Сибири и Урала частые землетрясения выдавили нефтяные пласты близко к поверхности (а где-то они, наоборот, резко иссякали). Крупные нефтедобытчики этот факт проигнорировали – не хотели вкладывать финансы в опасные недолгосрочные проекты. Зато сотни мелких, вроде эмигрировавшего в Китай Горюева, не побоялись сыграть по рискованным ставкам. А на Горюеве и прочих, в свою очередь, наживались мелкие китайские энергокомпании. Их небольшие и грязные (ибо кого здесь нынче волновала экология?), но сейсмоустойчивые ТЭЦ питали энергией буровые станции и рабочие городки. А выстроенные вне сейсмоопасной зоны китайские нефтеперегонные заводы охотно покупали горюевскую нефть, делая его бизнес рентабельным.

Пропащий Край стал чем-то вроде «Дикого Запада наоборот». Люди приезжали сюда не затем, чтобы обосноваться и устраивать новую жизнь. Единственной их целью было набить карманы деньгами и вернуться на Юг, прежде чем волны Ледовитого до них доберутся. Само собой, помимо рабочих и инженеров в их городки стекалось множество других желающих

пожизниться крошками нефтяного пирога. Включая откровенный сброд вроде братьев Дерюжных.

Единственное, что цвело буйным цветом в мертвых землях, – это преступность. Ни России, ни Китаю они были не нужны. Первая тратила все свои ресурсы на эвакуацию северных городов и готовилась к грядущему переселению Москвы. У второго хватало своих забот, в число которых не входило насаждение закона и порядка в Пропащем Краю. Все в нем выжили как могли. Кто-то, вроде китайских энергетиков и Горюева, держал у себя на объектах вооруженную до зубов охрану. А те, кому она была не по карману, смиряли гордыню и платили бандитам, которые подмяли под себя весь торговый бизнес и сферу услуг, опирающуюся на три священных столпа: бары, казино и бордели.

Как бы то ни было, Мизгирю нравился этот мрачный и жестокий, но простой и по-своему честный мир. Капитан был в нем не последним человеком и зарабатывал деньги. Не такие солидные, что платили нефтяникам, так и Мизгирь, в отличие от них, не надрывал пупок и не пачкался в грязи. Его жена работала на «Гордой» учетчицей, а Горюев был лучшим боссом из всех, каких только можно себе пожелать.

А еще у Мизгиря имелся приработок, за который Мурат Антонович расплачивался отдельно. Раз в два-три месяца комвзвода устраивал полковнику охоту на самого жестокого зверя Пропащего Края – на бандита.

Подобное условие ставил Горюев. Но даже если бы не ставил, комвзвода и сам не посмел бы ловить и бросать в Гламурную яму первого встречного. Потому что Мизгирь был не зверем, а человеком. Человеком чести, то есть солдатом. Которому, чего греха таить, доводилось заниматься грязной работой, но это было на войне и давно. А здесь Мизгирь был сам себе хозяином – до определенной степени – и старался поступать так, чтобы ему не было стыдно смотреть в глаза своим детям.

Во всем остальном Горюев тоже был честен. Он не претендовал на особое место в охотничьем строю, хотя мог, и никто бы ему не возразил. Но нет, Мурат Антонович состязался со всеми на равных. Единственное, что отличало его от одноклубников, – дорогая винтовка итальянской фирмы, название которой Мизгирь никак не мог запомнить.

Само собой, Горюеву не всегда удавалось сделать меткий выстрел. Но даже если это его расстраивало, он не подавал виду. И заработанная Мизгирем сумма, включающая премиальные для его помощников, всегда ложилась к нему в карман.

Сегодня бутылка «Лагавулина» шестнадцатилетней выдержки досталась Кельдыму, чья пуля угодила промеж лопаток Махорке. Это его подранил в плечо Малахай, и потому он отстал от приятелей. Но помогать ему они и не подумали, хотя до этого казались неразлейвода.

Кельдым прикончил Махорку, когда тот выбирался из ложбины. Чегрик и Кукиш уже покинули ее и скрылись за деревьями, поэтому не повезло лишь самому нерасторопному их дружбану.

Простреленный навывлет беглец попытался ухватиться за дерево скользкими от крови руками, но не сумел. И закувыркался вниз по склону. В падении он не раз шибанулся о камни, но, видимо, уже не почувствовал этого, так как не издал ни звука.

Зато одобрительно зашумели охотники. В адрес Кельдыма посыпались дружеские шутки. Еще бы, ведь раньше ему не доводилось взять «зверя» с первого выстрела. Да и кроме самогона-бухача он в Погорельске доселе вряд ли что-то пил.

Судя по ровному тархтенью моторов, загонщики не упускали из виду Чегрика и Кукиша. И двигались с ними параллельными курсами на малой скорости. Не слишком близко, разумеется. В первую очередь квадроциклисты не желали угодить под пули товарищей, а «зверья» опасались уже во вторую. Правда, стрелять по «зверью», если только оно не набросится на них, загонщики не имели права. Могли лишь припугнуть очередью под ноги, не более.

Охотники пересекли ту же ложбину, что и беглецы. Проходя мимо зацепившегося за корень мертвеца, Илюха не отвел глаза. Хотя мог, и отец его бы за это не осудил. Махорка с развороченной винтовочной пулей грудью и разможенной о камни головой являл собой неприглядное зрелище, но Илюха не дрогнул и даже не поморщился. Что ж, для него это был прогресс. Где и мужать парню по-настоящему, так только здесь, потому что в китайском университете ему таких жизненных уроков не преподадут.

Пока охотники взбирались по склону, Чегрик и Кукиш немного от них оторвались. Однако это не давало «зверью» преимущества. Сухобор вскоре заканчивался, а между ним и шоссе простиралось большое поле. На нем встречались провалы – последствия частых землетрясений, но в них беглецы не сунутся. А если сунутся, то раньше времени загонят себя в могилу.

Сопроводив «зверей» до опушки, загонщики разъехались пошире. Теперь «звери» могли бегать зигзагами, что обещало сделать охоту труднее и интереснее. В бегущую по прямой, выдохшуюся жертву каждый мог легко попасть. Но когда ей давали шанс увернуться от пуль, у нее усиливалась жажда жизни и открывалось второе дыхание. Так же, как у охотников учащался пульс и возрастал азарт.

Сухобор обрывался резко, и это всегда вгоняло «зверей» в замешательство. Они понимали, что ошиблись, рано выскочив из-под защиты деревьев, но возвращаться в лес было поздно. Да и загонщики им в этом помешали бы. Оставалось одно – мчаться через поляну, чтобы удрать как можно дальше от преследователей, прежде чем они выйдут на опушку.

Когда охотники туда вышли, Чегрик и Кукиш сверкали пятками метрах в двухстах впереди. Хорошая дистанция для стрельбы – цели не были легкими, но оставались уязвимыми. Загонщики продолжали их сопровождать, причин для суеты не было, и Мизгирь скомандовал:

– Номера, внимание! Работаем в порядке очередности: доклад и выстрел. Если не можете стрелять – кричите «Переход очереди!». Первый номер – огонь по готовности! Удачи!

– Первый номер готов! – сразу же откликнулся Малахай и выстрелил. Мимо.

– Второй номер готов! – подхватил Боржом и тоже спустил курок. Тоже не попал.

– Третий номер готов! – Голос Пенделя.

Выстрел. Опять промах.

– Четвертый номер готов!.. А, зараза – переход очереди! – Похоже, у Барсука случилась осечка.

– Пятый номер готов!

Громыкнула аристократичная «итальянка» Горюева, и Чегрик рухнул в сухую траву как подкошенный. Кукиш суматошно обернулся, но, как и в случае с Махоркой, не бросился корешу на подмогу, а, не сбавляя шаг, побежал дальше.

– Пятый номер! Взял! – доложил полковник, хотя все уже и так засвидетельствовали его успех.

– Шестой номер готов! – дрожащим от волнения голосом прокричал Илюха, ловя в прицел «винтореза» Кукиша. А тот, смекнув, что после гибели Чегрика все винтовки нацелились на него, стал петлять еще резче и отчаяннее.

Небольшая задержка между Илюхиным докладом и выстрелом дала понять, что парень все еще не уверен в себе. Тем не менее сегодня у него хватило духу не только нажать на спусковой крючок, но и прицельно выстрелить. Мизгирь допускал, что сын может нарочно промазать, но он сдержал данное отцу обещание. По крайней мере, так показалось. Пуля Илюхи выбила фонтанчик земли левее цели, и Мизгирь отметил, что сын промазал немногим дальше того же Пенделя, который был одним из лучших стрелков в команде.

– Седьмой номер готов! – доложил Мизгирь. Затем попытался угадать, куда метнется «зверь», и, взяв упреждение, выстрелил.

Можно сказать, что попал. Но не взял. Пуля зацепила Кукишу руку, лишь оцарапав ее. Он оступился, но не упал и продолжил бегство. Разве что теперь не размахивал руками, а держался за раненое плечо.

Впрочем, следующие номера – Кельдым, Заика, Ярило, Салаир, Ушатай и Чугун – тоже не смогли отличиться. А у Кельдыма и вовсе заклинило патрон в патроннике. Как бы то ни было, мишень осталась одна, а сплошные промахи лишь раззадорили охотников. Даже Илюха – и тот раскраснелся от азарта, чертыхаясь, когда очередная пуля пролетала мимо цели.

Начали стрельбу по второму кругу. И тут судьба сжалилась над Барсуком, чья винтовка в первый раз дала осечку. Уложить Кукиша наповал ему не удалось – пуля раздробила тому крестец, – но этот «зверь» тоже свое отбегал. Кукиш упал в траву, запричитал во весь голос и забился в конвульсиях, явно сообразив: к доктору его не повезут.

– Четвертый номер! Взял! Добиваю! – доложил Барсук.

– Добро! – отозвался Мизгирь. – Внимание! Четвертый добивает!

Для остальных номеров это был приказ прекратить огонь. Достреливать подранка надлежало тому, чья пуля его обездвигила. И никто не оспаривал у Барсука это право.

А он не отказал себе в удовольствии попрактиковаться в стрельбе по живой мишени. То, что она больше не двигалась, было досадно. Но Мизгирь и его товарищи достреливали в упор лишь обычного четвероногого зверя – когда порой охотились на одичалых собак; иной фауны в Пропащем Краю не водилось. Они не испытывали злости к собакам и убивали их по мере необходимости. «Звери» же вроде Чегрика вообще не должны были жить на белом свете. Ну а раз все-таки жили, любой имел право умертвить их позорной и мучительной смертью.

Теперь, когда никто никуда не спешил, Барсук прицеливался из своего «штейр-манлихера» спокойно и педантично. Разумеется, попал с первого выстрела. Вот только Кукиш оказался на редкость живучей тварью. Барсуку понадобилось еще две пули, чтобы «зверь» прекратил дергаться и угомонился навсегда.

– Ну все, отвели душу. Закругляемся. К нашему приходу как раз банька натопится, – попытожил Мизгирь. И, достав рацию, оповестил загонщиков, чтобы они грузили трупы на квадроциклы и тоже возвращались на форпост.

Но просто так развернуться и уйти не получилось.

– Эй, кто стрелял в этого «зверя»? – поинтересовался по рации Хан, когда подъехал к Чегрику. – Он еще жив и даже ползает. Могу позаботиться о нем, если хотите.

– Передай Хану: не стоит беспокоиться, – попросил Мизгиря Горюев, расслышавший сообщение загонщика. – Моя недоработка. Сейчас все исправлю. А вы идите, не ждите меня. Вернусь сам, дорогу знаю.

– Разрешите составить вам компанию, – вызвался комвзвода. Было бы невежливо бросить высокого гостя в одиночестве.

– И мне! – присоединился к отцу Илюха, явно не желая на обратном пути служить объектом для шуток. Пускай дружеских, но Илюха был в том возрасте, когда даже безобидные подначки воспринимались им болезненно.

– Как пожелаете, – не стал возражать полковник. И они втроем отправились туда, где Чегрик все еще подавал признаки жизни.

– Неплохой у тебя был выстрел, парень, – похвалил Горюев Илюху. – По крайней мере, не хуже, чем у многих сегодня.

– Спасибо, Мурат Антонович! – расцвел тот. – А вот будь у меня винтовка, как у вас, я бы тоже не промахнулся. Или хотя бы как у дяди Горыныча.

– Между прочим, это мысль, – улыбнулся полковник. – Напомни, когда у тебя день рождения. Если не прилечу сам, то отправлю тебе подарок с продуктовым самолетом.

– Еще не скоро – двадцать третьего сентября... Ай! – Илюха поморщился, когда недовольный его запросами отец отвесил ему легкую оплеуху.

– Стало быть, заметано, – кивнул Горюев. – «Блэйзер» не обещаю, но что-нибудь достойное подберу.

Чегрик с простреленным навывлет легким и впрямь боролся за свою жизнь, собрав в кулак остаток сил. Он отполз метров на двадцать от того места, где его подстрелили. И все еще полз в сторону шоссе, издавая стоны и оставляя на сухой траве размазанный багровый след.

При виде настигших его охотников у Чегрика иссякло желание бороться. Скрючившись от боли, он взялся надсадно кашлять и пускать изо рта кровавые пузыри.

– Давайте, суки конченные, шмаляйте! – прохрипел он, закрывая глаза и отворачиваясь от нацеленных на него винтовок. Хан на квадроцикле дожидался финала этой расправы чуть поодаль. – Жаль, не услышу, как вы заверещите, когда братаны Дерюжные насадят вас на железные колья!

Полковнику не о чем было разговаривать с издыхающим «зверем». Ничего не ответив, Горюев прицелился ему в левую лопатку с расстояния в пару шагов, положил палец на спусковой крючок... но не выстрелил, а посмотрел на Илюху и предупредил:

– Если хочешь отвернуться – отвернись, это не позорно. У моей «пушки» много дури, и убивает она очень уж неаккуратно. А то, что ты мужик, я и так знаю, поверь.

Илюха нахмурился и перевел взгляд на отца, ища у него совета.

– Поступай как знаешь, сынок, – рассудил тот. – Ты уже взрослый, чтобы ходить на охоту. А значит, и кровью тебя не испугать, ведь так?

– Так, батя, – кивнул Илюха. После чего ответил Горюеву: – Все в порядке, Мурат Антонович, стреляйте. Я не боюсь крови.

– Не сомневаюсь. Лишь предостерег тебя на всякий случай, – подмигнул ему полковник. И, спустив курок, избавил насильника от предсмертных мук, пусть даже тот не заслужил подобной милости.

Илюха и правда не отвернулся. Только моргнул в момент выстрела. Но когда пуля разбросала по траве обломки Чегриковых ребер и ошметки сердца, мальчишка продолжал глядеть на мертвеца, пока отец не тронул его за плечо и не сказал:

– Ладно, хватит таращиться на эту грязь, сынок. Не стоит она того. Пойдем на форпост, пока там без нас все шашлыки не съели.

– Угу, – буркнул Илюха. Он не стал признаваться, что сегодня ему ужинать совсем не хочется. И что он даже побаивается, как бы при виде шашлыков его не стошнило. Кажется, нынче он перебрал свою дозу «взрослых» ощущений. И сейчас куда охотнее завалился бы в кровать, заткнул уши и уснул.

Однако такое было маловероятно. Илюхе еще предстояло до глубокой ночи сидеть и терпеть пьяные разговоры отцовских друзей, их воспоминания об охотах, об Уральских войнах и о павших товарищах. Последние умерли до того, как Илюха родился, и от этих историй его тоже давно тошнило. Но он раз за разом выслушивал их, поскольку отец считал, что это пойдет сыну на пользу. А перечить отцу он не осмеливался. Да и не хотел, ведь когда батя пребывал трезвым и в хорошем настроении, лучшего друга, чем он, у Илюхи не было...

Глава 3

В Погорельске было четыре бара, но на этой неделе Старик заходил только в «Мазутное счастье». Не потому что там было по-особому уютно или продавали самую дешевую выпивку. Бар как бар – такой же шумный по вечерам и такой же грязный, как остальные. Просто именно здесь впервые за два месяца, что бывший острожник гулял на свободе, он встретил знакомого. Который, правда, его не узнал и вообще не обратил на него внимания. А поговорить с этим человеком без обиняков Старик не осмелился. Но решил, что непременно поговорит, дождавшись удобного момента.

Знакомым этим оказался сам хозяин «Мазутного счастья» – угрюмый коренастый толстяк по прозвищу Крапчатый. Четверть века назад ему было лет двадцать, и с тех пор он, конечно, сильно изменился. Кабы не родимое пятно у него на щеке, Старик его бы и не приметил. Но стариковские глаза зацепились за эту деталь и разглядели в Крапчатом другие памятные черты. После чего откинувшийся зэк убедился в том, что не ошибся.

Он мог расспросить о Крапчатом у посетителей бара или у своих коллег по работе, но не стал. Тюрьма научила его не задавать лишних вопросов – они вызовут подозрение к любопытствующему. Вдруг завтра Крапчатого или его заведение ограбят? Тут-то люди и вспомнят о том, что им интересовался тощий седовласый тип с косым шрамом на горле. А Погорельск был слишком тесен, чтобы «крышующие» бар братья Дерюжные не отыскивали по приметам дорожного рабочего, который, на его беду, еще и недавно вышел из тюрьмы.

Старик поступил иначе. Тюрьма заодно научила его не суетиться, поэтому каждый день после работы он стал заходить в «Мазутное счастье». Где покупал кружку пива и целый вечер потягивал его, наблюдая из своего угла за другими посетителями и за хозяином. Подозрений Старик не вызывал. Здесь выпивали его соседи по бараку и иные знакомцы. Он приветствовал их и время от времени перебрасывался с ними парой слов. Короче говоря, не выделялся из толпы, разве что вел себя тише других.

Так же тихо он вел себя на работе, только там он, разумеется, не пил. От дела Старик не отлынивал, но и в передовики не рвался. Знай себе кидал лопатой щебень или укладывал горячий асфальт перед катком. С бригадиром не спорил, все его распоряжения исправно выполнял. А на вопрос «За что сидел?», отвечал: «Да ввязался по глупости в заваруху с кучей трупов. Кореша-то слиняли, а я, дурак, один попался, вот на меня всю мокруху и повесили».

И ему верили. А почему нет, ведь не было у него ни блатного жаргона, ни уголовных замашек, ни устрашающих татуировок. И впрямь – обычный мужик, вляпавшийся однажды в полное дерьмо и честно оттянувший за это срок.

Шанс поболтать с Крапчатым представился лишь через несколько дней. В этот вечер бармен «Мазутного счастья» куда-то отлучился, и хозяин сам встал за стойку. Тогда как в обычные дни застать его в зале было трудно.

Старик явился в бар в разгар большой попойки – бурилы со станции «Искитим» отмечали юбилей своего бригадира. Взоры всех присутствующих как раз приковали танцующие на столе две стриптизерши. Обе девки были гибкие, пышногрудые и трудились с полной самоотдачей, извиваясь и лаская друг друга на радость не только публике, но и себе. Возле стойки в этот момент никого не наблюдалось, и Старик решил этим воспользоваться.

– Прошу прощения, ваша фамилия случайно не Мотыгин? – сделав свой обычный заказ, как бы невзначай поинтересовался Старик у Крапчатого.

– А твое какое дело? – буркнул тот, подставляя кружку под пивной кран.

– Я знавал вашего отца, – ответил любопытный клиент. Шум в баре вынуждал его говорить довольно громко. – Очень давно. В те годы, когда океан едва вышел из берегов и в здеш-

них местах еще действовали старые законы. Правда, вас я помню смутно. Вы тогда учились в Москве и нечасто приезжали в гости к отцу.

– И насколько хорошо ты его знал?

– Мы занимались общим делом. Хороший был человек. Справедливый, щедрый, уважаемый. Один из лучших людей, которых я встречал в своей жизни.

– Я знал всех тогдашних отцовских друзей. Тебя среди них не припоминаю.

– Немудрено. Скажем так: я не входил в правление его фирмы, а был внештатным сотрудником.

– Так ты, что ли, из «быков»? Ха! А по виду не скажешь. – Крапчатый толкнул Старику по стойке кружку с пивом, хотя мог бы просто ее подать. Надо полагать, так он выразил свое презрение.

– Что верно, то верно. – Старик не обратил внимания на грубость, хотя выплеснувшаяся из кружки пена испачкала ему рукав. – Много воды утекло с тех пор. Даже слишком. Жизнь меня «разбычила»: скрутила в бараний рог и выкинула на обочину. Теперь я простой работяга. Вкалываю с утра до вечера, чтобы заработать на жратву и выпивку.

– Рад за тебя. Ну а от меня-то чего надо? – Крапчатый явно начинал терять терпение.

– Просто хотел узнать, что стало с вашим отцом, – признался Старик. – Я долгое время отсутствовал и вернулся лишь пару месяцев назад. Город, где мы вели дела с Семеном Мотыгиным, давно уничтожен землетрясением. А в Погорельске, что отстроен на его месте, сплошь незнакомые лица и никто ничего не знает о Семене. То, что я наткнулся на вас, – большая удача. Надеюсь, вы поведаете мне о его судьбе? Хотя бы вкратце.

– Хочешь знать, что случилось с моим отцом после того, как не стало нашего города? – переспросил хозяин. И, бросив на стойку полотенце, указал Старику на дверь, что вела в подсобные помещения: – Ладно, не вопрос. Допивай пиво и айда, потолкуем. Только не здесь, а на складе. Здесь слишком шумно.

Благодарный Старик залпом осушил кружку, положил перед Крапчатым монетами два юаня и направился в указанном направлении. Крапчатый сгреб деньги в карман фартука, позвал из кухни повара, чтобы тот в его отсутствие приглядел за баром, и пошел за Стариком.

На складе горела одна тусклая лампочка и воняло крысами. Прикрыв за собой дверь, Крапчатый подошел к Старику... и тут же что было мочи врезал ему кулаком под дых. А когда он, крикнув, согнулся пополам, хозяин зарядил ему другим кулаком в скулу.

Второй удар сбил Старика с ног, и он упал в проход между стеллажами. Крапчатый, однако, не уgomонился. Подскочив к Старику, он дважды пнул его по почкам, затем приподнял его одной рукой за грудки и снова впечатал кулак ему в лицо. После чего, не разжимая хватки, осведомился:

– Ну что, тебе все еще нужен ответ на твой вопрос?! Нужен или нет?

– Не... надо! Не... бейте! – прохрипела с трудом дышащая жертва, прикрывая лицо ладонями. – Я... все понял! Я... был не прав! Отпустите... я уйду!

– Не так быстро, старый хрен! – Грузный хозяин тоже запыхался, но отставать от Старика не желал. – Нет уж, я расскажу тебе, как издох мой отец и какое наследство он мне оставил! А ты лежи и не вякай, раз сам напросился на разговор!

Старик прикусил язык, чуя, что избивание еще не закончилось. Хотя за какие грехи прошлого ему мяли бока, он понятия не имел.

– После Уральских войн, когда отсюда ушел закон, Мотыга... ты ведь помнишь бандитское погоняло моего родителя, да? Так вот, Мотыга бросил мою мать и сошелся с одной потаскухой. А потом застрогал ей ребенка и перестал отсылать мне деньги в Москву. В конце концов я вылетел из института, но и батя после этого протянул недолго. Когда на руинах нашего города возникла эта поганая дыра, Мотыга хотел подмять ее под себя, да не тут-то было. Над Погорельском уже кружили стервятники покрупнее – братья Дерюжные. Стоило лишь отцу

рыпнуться, и они тотчас бросили его в камнедробилку. К счастью, не одного, а вместе с той потаскухой и их мелким вырождаком. После чего ссыклявые папашины кореша и их «быки» сразу разбежались. Еще бы, ведь дерюженцев против них выступило гораздо больше, и каждый был обвешан оружием. Вот так-то. Десять лет Мотыга держал масть в этих краях и все профукал в один день.

Старик хотел вымолвить «соболезную», но вспомнил, что ему велели помалкивать. Да и разве походило на то, что Крапчатый говорит об отце с жалостью?

– Я не знал о его гибели, – продолжал он. – Моя мать к тому времени тоже умерла, но мне сообщили об этом с большим опозданием. А когда сообщили, я вернулся домой с твердым намерением прирезать мерзавца-папашу. Но мне не пришлось мारать руки. Он к моему приезду стал мясокопным фаршем, а все нажитое им добро – приличное по нынешним меркам – присвоили себе Дерюжные. Не знаю, чем я думал, когда явился к ним просить, чтобы они вернули мне хотя бы часть моего наследства. Молод был и дерзок – им ведь ничего не стоило засунуть меня в ту же самую камнедробилку. Но Дерюжных, как ни странно, восхитила моя отвага. Настолько, что они даже не разозлились. Наследство, правда, не вернули, а предложили вместо этого работать на них – делать им деньги в Погорельске. А я как раз в торговом институте недоучился, вот и нашел работу по неполученной специальности. А какой у меня был выбор, если в Москве я оставил лишь долги, и немалые?

Выговорившись, Крапчатый остыл и даровал Старiku пощаду. Разжав пятерню, он выпустил жертву, и та скрючилась на полу, очухиваясь от побоев. А хозяин взял с полки бутылку водки, распечатал ее и сделал пару больших глотков – видимо, чтобы побыстрее успокоиться. Старiku он выпить не предложил, хотя тот сейчас тоже не отказался бы.

– Когда-то я дал самому себе клятву бить в морду любого, кто начнет трепаться при мне о том, какой, дескать, Мотыга был честный и справедливый вор в законе. – Наконец-то Крапчатый поведал избитому о том, за что тот пострадал. – Поэтому извиняться перед тобой я не намерен, тебе ясно?

– Никаких проблем, – просипел Старик, чье сердце едва не остановилось от удара под дых. – Я всего лишь пытался быть вежливым. Не знал, что вас это оскорбит.

– «Оскорби-и-ит!» – передразнил его хозяин и снова приложился к бутылке. – Да что ты знаешь об оскорблениях, ничтожество! По сравнению с тем, как оскорбил меня Дерюга-младший, твои слова – старческое шамканье и сотрясение воздуха.

– Я слышал о том, что случилось с вашей дочерью, – заметил Старик. – Это было чудовищно. Мне очень жаль.

– Хрена с два тебе жаль, ублюдок! – снова взъярился Крапчатый и дернулся, решив ответить Старiku новый пинок, но не отвесил. Видимо, не накопил должной злобы. – Да и не нужна мне твоя жалость! Ни мне, ни моей Марине. Хочешь кого-то пожалеть – жалея Петьку Дерюжного! Если он думал, что это сойдет ему с рук, он здорово ошибся. Видит бог, я терпел, пока моя дочь лежала в больнице и приходила в себя. Но теперь, когда я наконец-то увез ее отсюда, сучара Петька свое получит! С процентами! Ему больше не добратсья до Марины, а значит, и мое терпение кончилось! Он думает, что я дрожащая бессловесная тварь, живущая на его подачки? Это хорошо – пусть и дальше так думает. То-то он удивится, когда однажды я подойду и отстрелю ему яйца!

Не иначе, от выпитой махом полбутылки водки хозяин быстро окосел, потому что было очень глупо с его стороны угрожать Дерюжным при незнакомом человеке. Старик не представлял, что он должен на это ответить, поэтому вновь промолчал.

Впрочем, Крапчатый сам догадался, что сболтнул лишнего. Умолкнув и еще раз отхлебнув водки, он протянул опорожненную на две трети бутылку Старiku и сказал:

– Это тебе. За счет заведения. Не в качестве извинений, а подлечить синяки. Посиди тут немного, выпей, оклемайся. А затем проваливай, и больше чтобы в «Мазутное счастье» ни ногой. Не желаю видеть здесь друзей той мрази, что считалась моим отцом. Ты усек?

– Да-да, конечно. Яснее не бывает, – закивал Старик. И, не став отказываться от угощения, взял бутылку. – Не волнуйтесь, я сейчас уйду.

– Кто сказал, что я волнуюсь? – огрызнулся Крапчатый. – Это тебе надо волноваться, если вздумаешь тут что-нибудь украсть. Хотя ты не воришка. По глазам вижу, а я в людях разбираюсь.

И он вернулся в бар, оставив «гостя» лежащим на полу склада с недопитой бутылкой в руке.

Кряхтя и морщась, Старик принял сидячее положение. И, привалившись спиной к стеллажу, посмотрел на оставшееся в бутылке пойло.

Четверть века – изрядный срок, чтобы забыть, какой сложной бывает жизнь на воле. И как, наоборот, здесь бывает просто нарваться на чьи-то кулаки. Сын Мотыги, который так люто ненавидел отца, что стал работать на его убийцу, которого Крапчатый теперь тоже ненавидит, потому что тот изнасиловал и покалечил его дочь, внучку Мотыги... Прямо натуральный Шекспир, чьи пьесы бывший острожник читывал в тюремной библиотеке.

Старику было не привыкать к побоям, но он успел позабыть, что это такое. Последнюю дюжину лет ему удавалось избегать драк, и сегодняшнее избиение стало вторым его потрясением на воле (первым, естественно, было само освобождение). Такое любого выбьет из колеи, а человека, ищущего от жизни лишь спокойствия, и подавно.

Руки у Старика подрагивали, да и всего его тоже потряхивало. Хотя на Крапчатого он почти не злился. Понимал, какую трагедию тот пережил, и мог поставить себя на его место, пусть и не имел детей. Старика злило то, что, помимо известий из прошлого, он раскопал неприглядную историю, которая его, в общем-то, не касалась. И теперь укорял себя за излишнее любопытство, оказавшееся на поверку не таким уж безобидным. Он столько лет держался в тени, но стоило ему высунуть на свет лишь кончик носа, как тот сразу же прищемили.

Старик ненавидел себя, когда злился. Злость ни разу не доводила его до добра, и она же в конце концов довела его до тюрьмы. Поэтому надо было срочно привести нервы в порядок. И так уж вышло, что иного лекарства, кроме водки, под рукой не оказалось.

За два месяца на воле Старик еще не пил крепких напитков. Кружка пива после работы, две в выходной... Этого хватало, чтобы расслабиться, не дурманя голову и не болея наутро с похмелья. А вот что случится, если он выпьет сто пятьдесят граммов водки, да без закуски, предсказать было нельзя. И все же он рискнул. Потому что это было ему позарез необходимо. Столкновение с прошлым выдалось слишком чувствительным – во всех смыслах. И лучше было сразу принять обезболивающее, чем ждать, когда боль утихнет сама.

Задержав дыхание, Старик запрокинул голову и влил в себя подаренную выпивку. В груди зажглось пламя, к вискам прилила кровь, а к горлу подкатила тошнота. Но он, уткнувшись носом в рукав, перетерпел ее и, к счастью, не испачкал пол рвотой.

Теперь нужно было поскорее встать на ноги. И когда водка шибанула Старику в голову, он встретил опьянение, стоя прямо и ни за что не держась. Нарочно, чтобы проверить свою выдержку.

Вроде бы пронесло. По крайней мере, разум Старика не помутился и колени не подкосились, хотя перед глазами все слегка качалось и плыло. А еще по телу разлилась успокаивающая теплота – давно забытое ощущение. Конечно, разгуливать пьяным по улицам лучше не рисковать, но до своего барака Старик доплетется. А потом завалится на нары и уснет до утра, потому что завтра ему нужно опять выходить на работу.

– Камнедробилка, – пробормотал он себе под нос, направляясь к выходу со склада. – Говоришь, Мотыга, они засунули тебя в камнедробилку вместе с твоей новой женой и ребен-

ком? Не нож, не пуля, а, мать ее, камнедробилка! Надо же! Кто бы мог подумать, что ты издохнешь такой позорной смертью! Кто бы мог подумать, что я вообще тебя переживу! Прости, дружище, что все так обернулось. Это по мне всегда плакала камнедробилка, а не по тебе, ну да ничего не попишешь. Наше время ушло. Так что незачем ворошить прошлое – одни беды от этого на мою седую голову...

Глава 4

– Привет, сынок! – Мизгирь устало плюхнулся на диван, на другом краю которого устроился Илюха. – Как пережили тряску? Все целы, дом в порядке?

– Да, бать, все путем, – кивнул сын, не отрывая глаз от телевизора. – У нас только антенна с крыши упала, но я ее уже починил. Зато у Малахаевых вон потолок обвалился прямо на тетю Лиду. Не будь она такой толстой, ее бы точно придавило. Да, еще у Барсуковых перед крыльцом земля треснула и провал образовался. Теперь три или четыре самосвала глины нужно, чтобы эту дыру засыпать.

– Значит, никто, кроме тети Лиды, не пострадал?

– Она тоже не пострадала. Так, поцарапалась слегка да пару шишек набила. До сих пор по поселку бегает и всем рассказывает, как храбро из-под груды досок выползала.

– Не говори, тетя Лида – она такая... Ну и ладненько. – Мизгирь облегченно вздохнул. И удивился, поглядев в телевизор: – Ого! Давненько у нас не было цветных передач! Что ты сделал? Перенастроил антенну?

– Поймал новый китайский спутник, – ответил Илюха. – Это новостной канал.

– Вижу, что не наш. – Мизгирь уже заметил, что новости ведет симпатичная азиатка, щебечущая по-китайски, и все надписи на экране иероглифические. – А сигнал из России все еще слабый?

– И не спрашивай, бать. Полтора черно-белых канала, и те с жуткими помехами.

– Жаль. Так и не досмотрел я тот старый сериал про ментов, – посетовал отец.

– Гляди-гляди, бать! – внезапно оживился Илюха и указал пальцем на экран. – Вот сейчас будут крутые кадры! Это про сегодняшнее цунами говорят!

Мизгиря отгремевшее землетрясение застало на службе. Он с соратниками как раз патрулировал на джипах окрестности «Гордой» и не видел последних новостей. Однако догадался: судя по мощности толчков, в Ледовитом опять случились неслабые тектонические подвижки.

– Ты забыл, что я не знаю китайский, – проворчал Мизгирь. – Давай переводи! Заодно лишний раз попрактикуешься.

– Да ты гляди-гляди! Тут и без перевода все ясно, – отмахнулся сын.

Он был прав. В кои-то веки телевизор радовал Мизгиревых цветной и четкой картинкой горячих новостей с северного побережья Пропащего Края. Нынче здесь делались самые захватывающие репортажи. Едва океан наносил удар, над всем фронтом цунами, от Великобритании до Камчатки, разлетались вертолеты мировых служб теленовостей. И с каждым годом, по мере того как Ледовитый наступал на юг, их репортажи становились все драматичнее и страшнее.

Якутск, Нижневартовск, Сыктывкар, Сургут, Вологда, Петербург, Таллин, Хельсинки, Стокгольм, Осло – сегодня к ним было приковано внимание телезрителей всего мира. Жителей этих городов давно эвакуировали, а сами они были наполовину разрушены. И все же было тяжело глядеть, как гигантские волны окончательно стирают их с лица земли. А съемочные группы соревновались между собой, кто сделает с воздуха самые душераздирающие кадры. Вроде гибнущих под валом грязной воды знаменитых творений человеческих рук: высотных зданий, театров, соборов, мостов, вокзалов и тому подобного.

Настроенный Илюхой телеканал был не бедным и вел трансляцию сразу из десятка мест на побережье. Звездой сегодняшнего эфира стал, несомненно, Питер. Столицы Скандинавии угодили под первый удар стихии еще в прошлом году. Теперь над их останками плескались неглубокие и замусоренные прибрежные воды. И вот пробил час Петербурга – событие, которое давно ждали, но все равно с трудом верилось, что это происходит наяву.

Цунами накрыло город полтора часа назад, поэтому китайцы вставляли в прямой эфир отснятые ранее, наиболее жуткие кадры.

Вот сорокаметровый водяной вал несется к северным районам Питера со скоростью поезда-экспресса, толкая впереди себя горы древесных обломков и мусора.

Вот цунами врзается в уже покосившуюся высотку на Кантемировской и заваливает ее, словно большую костяшку домино.

Вот стихия топит Петропавловскую крепость и одноименный собор, шпиль которого – как и шпили других исторических зданий – был демонтирован и вывезен во время эвакуации.

Вот волна накрывает Кронштадт, чья дамба сопротивляется ей не дольше, чем песчаный замок обычному прибою.

А вот настает черед «Зенит-Арены», чей сорванный купол еще какое-то время несет потоком, будто великанскую шляпу, пока он не разваливается на куски и не тонет.

Удивительную стойкость демонстрируют Эрмитаж, Адмиралтейство и Исаакиевский собор. Они выдерживают первый натиск Ледовитого и затем борются с ним почти три минуты. В это время они напоминают не здания, а рассекающие воду быстрые корабли. Которые, увы, тоже пошли на дно, так как скорость подмывшей их волны просто чудовищна.

Гостиный Двор своей формой куда больше напоминает корабль. Однако он подставляет цунами «борт», и это губит его в первые же мгновения.

Казанский и прочие соборы, здание Биржи, вокзалы и многое-многое другое... Видеокамеры запечатлевают для истории гибель и этих зданий. Они наполовину разобраны при эвакуации, так что фактически цунами сносит лишь стены да перекрытия. Но как бы то ни было, эти стены тоже являли собой произведения искусства, возводились годами или даже десятилетиями, а канули в небытие, не успела секундная стрелка на циферблате часов описать круг.

Наконец доходит черед до Петергофа. Как ни хочется, небось, китайцам заснять кончину его легендарных фонтанов, но сделать такие кадры невозможно. Все ценности Петродворца отправили на юг первыми эшелонами. И ненасытному Ледовитому опять достается лишь то, что было уже не спасти. И что он с ревом пожрал сразу, как только до этого дотянулся.

Сыктывкар и Вологда также стали сегодня его жертвами. Но им, в отличие от Петербурга, в трансляции катастрофы уделено не так много времени.

Когда-то Мизгирь считал города, чью гибель от цунами он наблюдал по телевизору, но давно сбился со счета. И даже гибель Петербурга не вызвала у него сильных эмоций. Большинство этих городов умерло задолго до того, как их смыло в океан, которому доставались уже обглоданные кости жертв, а не они целиком.

За исключением тех редких случаев, когда Пропавший Край накрывало суперцунами. Оно докатывалось до не успевших эвакуироваться населенных пунктов или до поселений «диких» буровиков наподобие Погорельска. Лишь тогда Мизгирю становилось тошно – от множества погибших и от мысли, что та же судьба может завтра настичь и тебя. Но когда холодная стихия поглощала мертвые города, это его не трогало. Главное, чтобы она не добралась до южного Китая и остановилась, где предсказывали ученые, – на уровне сорок пятой параллели плюс-минус три градуса северной широты.

– Неужели еще не посмотрелся на потоп? Шел бы лучше маме помог, что ли, – обратился Мизгирь к сыну, отворачиваясь от экрана, где за последние двадцать минут цунами уже в четвертый раз сносило «Зенит-Арену». Капитану не нравилось то, что Илюха с горящими глазами пересматривает одни и те же ужасы. Понятно, что виной тому была его юношеская впечатлительность. И все же, если Илюхе ночью приснится кошмар и он закричит во сне, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Мама опять страдает ерундой в своей теплице, – ответил Илюха. – Я уже говорил, что не буду заниматься этой бестолковой работой. Пусть Тарасик и Мирка маме помогают. Они еще маленькие и верят в сказки, что она – великий огородник.

– Что значит – бестолковая работа? – нахмурился Мизгирь. Но лишь для проформы, так как в мыслях он был согласен с сыном. Вот только открыто поддержать его не мог – не желал

ссориться с женой по этому поводу. – А кто в прошлом году ел из маминей теплицы помидоры и огурцы?

– Ты шутишь, бать? – кисло усмехнулся Илюха. – Полгода ковыряния в земле ради четырех помидоров, пяти огурцов и шести морковок величиной с карандаш? Да мама одной воды на полив израсходовала столько, что на эти деньги можно было купить в городе три ящика привозных овощей. В Пропащем Краю давно ничего не растет. По телевизору сказали, что здесь не только земля, но и воздух губителен для растений. А мама все надеется вырастить свой небывалый урожай. Да над ней уже давно все соседки насмеются!

– Ладно, остынь, – попросил Мизгирь. Обсуждать с сыном мамин бзик ему тоже не хотелось. – Пойду взгляну, как там дела у наших горе-огородников. А ты переключил бы все же телевизор на что-нибудь поспокойнее.

– На что? По всем каналам одно и то же. Других-то горячих новостей в мире нет.

Мизгирь махнул рукой – ай, да поступай как знаешь! – поднялся с дивана и вышел на задний двор, оставив сына наедине с телевизором и сметающим Петербург цунами.

Теплица, где Альбина проводила свои аграрные опыты, была собрана Мизгирем из старых стеклопакетов, которые он вывез из одной заброшенной деревни, где это добро чудом сохранилось. Увы, но ни парниковое тепло, ни перегной, ни удобрения, что привозил для Альбины лавочник Куреха, ни ее заботливые руки не могли снять проклятье, тяготеющее над бесплодными землями.

Шестой год кряду супруга Мизгиря пыталась вернуть им жизненную силу. Хотя бы под крышей своей теплицы. Пыталась, но весь собранный ею урожай помидоров, огурцов, моркови и картофеля вмещался в одно ведро. Где в «неурожайные» годы еще и оставалось свободное место. Возможно, проблему решила бы привезенная с Юга машина чернозема, но это было слишком дорогое удовольствие. Даже для такой помешанной на своем хобби огородницы, как Альбина.

Как бы то ни было, она не прекращала свой труд. И даже старалась привить любовь к нему детям. Не Илюхе, который не верил в мамин успех, а Мирке и Тарасику. Первой было семь лет, второму – три годика, и они еще не доросли до того возраста, когда дети начинают перечить родителям. Поэтому они и не сопротивлялись, когда мать гнала их с собой на огород.

– Папа! – закричал Тарасик. И, уронив игрушечное ведро, подбежал к вошедшему в теплицу Мизгирию, который тут же подхватил сына на руки. Дочь тоже обрадовалась отцу, но отнеслась к его возвращению гораздо спокойнее.

– А у тети Люды потолок на кухне обвалился, когда все затряслось, – доложила Мирка, шмыгнув носом и продолжая ковырять совочком в горшке с землей. – И у Барсуковых теперь возле дома большая дырка.

– Спасибо, я уже знаю, – кивнул Мизгирь, который, покачав на руках Тарасика, не стал долго нянчиться с ним, поскольку он этого не любил. – А еще у нас антенна упала, но Илюха ее починил и опять смотрит китайские жутики. В общем, так понимаю, день у вас прошел неплохо, раз уж вы решили перед сном покопаться на огороде.

Альбина, в отличие от детей, была угрюма. Видимо, у нее снова что-то не ладилось на аграрном фронте. Все эти годы Мизгирь терпеливо ждал, когда она сама разочаруется в своем хобби и, покончив с ним, займется чем-то другим. Но Альбина, покладистая в иных делах, здесь проявляла несвойственное ей упрямство. И продолжала борьбу с неурожаем, уповая не то на свое старание, не то на чудо.

– Может, помочь? – любопытствовал Мизгирь у жены после того, как она не удостоила его вниманием. – Ну там вскопать что-нибудь, воды наносить.

– Спасибо, перебуюсь, – буркнула она, подвязывая чахлый помидорный стебель к воткнутой в землю палке. Судя по выдернутым с корнем другим засохшим кустам, они и были при-

чиной дурного настроения жены. – Лучше бы пошел и отремонтировал наконец посудомойку. А то она полгода стоит мертвым грузом и только место на кухне занимает.

Все ясно. Упоминание посудомоечного комбайна – прямой намек на то, что жену лучше не трогать. Она не хуже Мизгиря знала, что достать запчасти на кухонную технику в Пропашем Краю невозможно. Когда посудомойка вышла из строя, муж разобрал ее и показал Альбине циркуляционный насос, у которого разбило крыльчатку. Но стоило Мизгирю попасть жене под горячую руку, она сразу припоминала ему этот комбайн, как будто начисто забывая о не подлежащем ремонту насосе.

Терпение главы семьи тоже было не бесконечным. Устав выслушивать глупые упреки, недавно он дал себе зарок: если его снова ткнут носом в чертову посудомойку, он увезет ее на форпост и расстреляет из дробовика. Ну вот, ткнули – что дальше? Надо ли сдерживать данную самому себе клятву или махнуть на нее рукой?

Уничтожение тещино подарка, пускай и отслужившего свой срок, закончится еще большим скандалом. И не факт, что тогда жена отстанет от Мизгиря со своей посудомойкой. Напротив, это даст ей повод еще сильнее пилить его при каждом удобном случае.

Мизгирю нравился Пропаший Край, но в такие моменты он хотел, чтобы Ледовитый поскорее добрался до Погорельска и Горюев свернул здесь бизнес. Тогда Мизгиревы переберутся в Китай, где Мурат Антонович поможет им с жильем и работой и где Альбина успокоится. Понятно, что она злится на мужа не только из-за огорода. Альбина провела свои лучшие годы в самой заднице мира, зная, что ее семье никогда не пустить здесь корни. Любая женщина на ее месте впала бы в депрессию от такой жизни. Удивительно, как у них с Мизгирем все еще сохранялись теплые чувства и они никогда не скандалили при детях.

А еще Альбина подозревала, что он с приятелями захаживает в погорельский бордель. К несчастью для нее, эти подозрения были правдой.

Пока Мизгирь раздумывал, как быть – проворчать Альбине что-нибудь в ответ или молча уйти, – к дому подкатил внедорожник. Его водитель трижды нажал на клаксон, вызывая хозяина на улицу.

– Кайзер? – удивился комвзвода. Лишь его зам имел привычку так сигналить. – Его-то что за нелегкая принесла на ночь глядя?

– Давай беги, раз зовут, – буркнула Альбина, швыряя выдранные кусты томатов в мусорную корзину. – Только если опять пьяный за полночь явишься, будешь спать в сарае.

– Думаю, это по работе, – возразил Мизгирь.

– Ага. Как и прочие твои вечерние поездки в город, – не унималась супруга, не выходя, однако, при детях за рамки приличий. – Те самые, после которых от тебя разит бухачом и чужой парфюмерией.

– Ну ладно, не кипятись! – бросил ей не настроенный на конфронтацию муж. – Сказал же: Кайзер сегодня на смене. И раз он приехал, значит, меня вызывают на «Гордую».

Не став больше пререкаться, он оставил Альбину оплакивать свои помидоры и пошел выяснять, зачем пожаловал замкомвзвода.

Глава 5

– Ты почему не на посту? – спросил Мизгирь у Кайзера, который ждал его у своего полнопроводного «Фотона». – Твоя же смена!

– Попросил Ушатая меня подменить, – ответил тот. – Есть свежие новости, командир. И срочное дело, которое с ними связано.

– Насчет землетрясения, что ли?

– И да и нет. Хотя скорее нет, чем да.

– А нельзя поконкретнее?

– Не здесь. – Кайзер посмотрел налево и направо, намекая на любопытные соседские уши. – Давай скатаемся на форпост и по дороге потолкуем.

– Лады. Сейчас, только «ствол» захвачу...

– Бать, ты куда? Я с вами! – Илюха выбежал за отцом на улицу, увидев, как тот пристегнул набедренную кобуру и взял винтовку.

Мизгирь вопросительно посмотрел на Кайзера. Оторвать сына от телика, прокатив его до форпоста, показалось капитану хорошей идеей.

Кайзер еле заметно мотнул головой. Нет, грядущий разговор не предназначался для Илюхиных ушей, пускай пацану и оказали доверие, зачислив его в охотничий клуб.

Мизгирь поморщился – очень жаль, – но настаивать не посмел. Отказывать мальчишке в такой малости без важной причины Кайзер не стал бы.

– Не сегодня, сынок, – огорчил Илюху отец. – Меня вызывают на работу по срочному делу. В другой раз прокатимся, хорошо?

Илюха огорченно вздохнул – что ж, нет так нет, – пожал плечами и поплелся обратно к своему телику.

– Так что там у вас стряслось? – осведомился Мизгирь, едва они с Кайзером отъехали от дома. – Надеюсь, ничего такого, о чем надо будет посреди ночи докладывать Горюеву?

– На «Гордой» все в порядке, – успокоил его зам. – А вот у братьев Дерюжных – нет. Вернее, беспорядок теперь у одного Мирона, так как Петька три часа назад склеил ласты. Погорельск на ушах стоит. Мирон рвет и мечет, братва ходит как в воду опущенная, бордели закрыты, а в барах тишина – вся пьянь языки в задницы засунула, боится даже пикнуть.

– Вот те на! – Мизгирь присвистнул. – Эта новость покруче затопленного Петербурга. И что еще тебе известно?

– Дерюга-младший скопытился в сортире «Козырного короля», – уточнил Кайзер. – В том баре у братьев типа главный офис.

– Я чуял, что эта гадина издохнет на параше. Но у кого хватило духу замочить Петьку? И как такое проморгали его мордороты?

– Потому и проморгали, что никто его не мочил. Говорят, имел место несчастный случай. Дерюга-младший накатил бухача после обеда, а когда ему приспичило отлить, шарахнуло землетрясение. Нетрезвый Петька поскользнулся и ударился башкой об умывальник. Да так неудачно, что раковина разбилась, и он распорол себе горло об осколок.

– Ну и дела! – продолжал удивляться Мизгирь. – И что, Мирон с братвой поверили в такое совпадение?

– Трудно сказать. Когда все случилось, бар был еще пуст, и Петькины телохранители его в сортир не провожали. Но все клянутся-божатся, что прежде чем они всполошились и нашли истекшего кровью босса, посторонних в «Козырном короле» не было.

– Так они же небось Дерюгу-младшего и кокнули. А потом обставили все как несчастный случай.

– Очень маловероятно. Если бы кокнули, то уже слиняли бы из города, а не притворялись, будто они ни при чем. Видно, что парни и вправду растеряны. Мирон ведь их в любом случае закопает. И уж коли они и впрямь были бы виноваты, то явно не стали бы так искушать судьбу.

– Надо полагать, – согласился комвзвода. – «Быки» у него хоть и тупые, но не настолько.

– Петька и сам был нехилый детина. Даже в зюю пьяный он оказал бы убийце сопротивление, – продолжал Кайзер. – Но следов борьбы нет. Толчок же был баллов на шесть и резкий. Такой даже трезвого сшибет с ног на скользком полу, не говоря о пьяном. А пол в сортире «Козырного короля», сам знаешь, всегда скользкий, хоть мытый, хоть немытый.

– То есть Мирон версию с убийством исключает?

– Наверняка исключит, когда успокоится. Готов поспорить.

– Я бы на твоём месте не был так уверен, – усомнился Мизгирь. – Мирон – дотошный ублюдок. Гибель Петьки он просто так не оставит.

– В пользу убийства говорит лишь одна деталь, и та сомнительная, – справедливости ради уточнил Кайзер. – Перед смертью Дерюга-младший пытался что-то написать собственной кровью на полу, но не успел. Одну только букву «М» изобразил, и все. Разумеется, не факт, что он писал имя убийцы. Но когда человек с разрезанным горлом бьется в агонии и торопится о чем-то сообщить, тут есть над чем задуматься.

– Его могли прирезать в отместку за ту изнасилованную девчонку, – предположил комвзвода. – По ней в Погорельске немало мужиков сохло. Как там бишь ее звали?

– Дочку Крапчатого? Марина, кажется.

– Вот тебе и буква «М»! Но опять же, с чего вдруг Петька вспомнил о ней перед смертью?

– Возможно, решил таким образом перед ней покаяться.

– Или же писал не ее имя, а имя своего брата – мало ли... Кстати, а что с ее отцом? Его Мирон не заподозрил?

– Говорю же тебе: не было тогда посторонних в «Козырном короле», – повторил Кайзер. – А хозяин другого бара вряд ли сумел бы прошмыгнуть туда незаметно, убить Петьку, обставить все как несчастный случай и так же незаметно скрыться. Да толстяк Крапчатый ширинку у себя на штанах едва застегивает, а ты готов приписать ему такие подвиги.

– Слушай, а как тебе вообще удалось так быстро разузнать подробности? – только сейчас дошло до Мизгирия. – Про букву «М», про то, что говорят Петькины мордовороты, и все остальное?

– Мне Колька Чулым рассказал, – признался Кайзер. – Из-за него я к тебе, собственно, и приехал.

– Чулым? – переспросил комвзвода. – И с чего вдруг один из дерюжинских бригадиров с тобой разоткровенничался?

– С того, что у него к нам срочное дело. На полмиллиона юаней.

– Ничего себе! – в который раз за последние пять минут удивился Мизгирь. – Да ты сегодня полон сюрпризов, как погляжу. Это последний или есть еще?

– Вроде последний, – усмехнулся зам. – Я и сам растерялся, когда сорок минут назад Чулым перехватил меня на выходе из «Мазутного счастья», куда я заехал подкрепиться перед сменой. Причем Колька явился туда один, без «быков», что также выглядело странновато. Толковали мы с ним на пустыре за баром, где нас никто не видел. И то, что он предложил... Короче, по-моему, дело стоящее. Чулым и его ребята задумали грохнуть Мирона сразу после похорон брата и подмять город под себя. Потому что крошки, которые сметают им Дерюжные со своего пирога, их не устраивают. Но есть у чулымцев одна загвоздка – для такого крутого дела им не хватает «стволов»...

– И они хотят нанять в подмогу стрельбанов с буровой, – закончил за Кайзером Мизгирь. – Но почему «Гордая»? Они там что, лотерею проводили и мы вытянули счастливый билет?

– Нет, конечно. Но Чулым в курсе, что после позапрошлогоднего нападения дерюжинцев на нефтевозы Горюева и гибели двух наших водил мы точим зуб на братьев, пусть даже тогда обошлось без войны. Вот Колька и скумекал: кому еще он может довериться в столь щекотливом вопросе, если не нам? Где еще за пару дней он наймет так много «стволов»? А мы можем поставить под ружье весь охотничий клуб. Ну кроме полковника и Илюхи, разумеется.

– И какой у Чулыма план действий?

– Простой и логичный. На поминках по Петьке Мирон с братвой упьются до полусмерти. Тогда-то и накроем их скопом. Неизвестно пока, где будут поминки, – нам позже сообщат, но Колька с одними своими «быками» против Дерюги-старшего не выступит. А если мы впряжемся, то не только денег поднимем, но и получим себе на будущее союзника. С Чулым-то всегда проще договориться, чем с Мироном. Который, небось, после гибели брата совсем озверевает.

– Это в случае удачи, – напомнил Мизгирь. – А если дело не выгорит?

– Риск большой, кто бы спорил, – не стал отпираться Кайзер. – Ну так и оплата гораздо серьезнее, чем нам Горюев за сафари отстегивает.

– За все про все – полмиллиона юаней? По тридцать тысяч с лишним на брата. Маловато, учитывая, сколько заработает сам Чулым, если заграбастает весь бизнес Дерюжных.

– Это было стартовое предложение. Мы с Колькой еще не ударили по рукам, и он вроде бы не прочь поторговаться. Говори, сколько, по-твоему, причитается нам за участие, и я озвучу ему справедливую цену.

– Нагнать не будем, но и за тридцатку продаваться – тоже, – рассудил Мизгирь. – Потребуй шестьдесят тысяч на каждого, хотя если не поднимет выше пятидесяти – соглашайся. Только при условии, что о нашем вмешательстве никто, кроме Чулыма и его «быков», не узнает.

– Само собой разумеется, – кивнул зам. – Им самим невыгодно об этом трепаться. Если в городе проведуют, что они устроили революцию не сами, а с отрядом стрельбанов, это ударит по их авторитету. Однако как ни крути, а слухи расползутся. Кто-нибудь из чулымцев наверняка сболтнет про нас по пьяни.

– Да к черту слухи – им в Пропащем Краю грош цена. На основании слухов тебя в Святой Острог не упекут... Ладно, сколько времени у нас на раздумье?

– До завтра.

– С Чулымом встречаетесь там же?

– Нет, на сей раз за городом. В девять утра у заброшенной станции «Турбо Ойл».

– Это хорошо, – заключил Мизгирь. – В Погорельске вам вместе лучше не светиться. Что ж, в таком случае объявим сбор клуба на пять утра. Сообщи всем нашим на «Гордой», а я свяжусь с комвзводами «Щедрой» и «Могучей». Не исключено, что кто-то откажется и придется искать ему замену. Хотя, конечно, не хотелось бы привлекать людей со стороны.

– И не нужно, командир, – возразил Кайзер. – Помнится, на войне мы решали подобные задачи куда меньшими силами.

– Ты еще вспомни, какие мы были крутые, когда ходили в школу, – хмыкнул Мизгирь. – Мне бы твой оптимизм. Увы, но я смотрю на вещи трезво. И не забыл, когда мы в последний раз участвовали в чем-то подобном. Я имею в виду – бросали вызов превосходящим и хорошо вооруженным силам противника.

– Ну да, давненько это было, – подтвердил зам. – Мне тогда еще руку прострелили, а тебя гранатой контузило.

– И у меня до сих пор левое ухо слышит только наполовину, – добавил комвзвода. – Так что учти: геройство – это больше не наш метод. Даже за те деньги, которые нам предлагают. Потому что я хочу вложить их в будущее моих детей, а не потратить на собственное лечение...

Глава 6

Похороны Дерюги-младшего стали, наверное, самым ярким и масштабным событием за всю историю Погорельска.

Местное самоуправление, которое давным-давно было куплено Дерюжными с потрохами, объявило день траура. В городе остановились все работы и закрылись все заведения, кроме баров. В последних любой желающий мог выпить за упокой Петьки один бесплатный стакан бухача. Поэтому неудивительно, что к обеду на улицах царило оживление.

Получив неожиданный выходной, Старик тоже решил проветриться, так как не хотел торчать в прокуренном бараке. Он ненавидел пьяные сборища, но за два месяца обывок на свободе, где быть незаметным удавалось куда проще, чем в тюрьме. К тому же встреча с Крапчатым стала для него уроком, отвадившим его от поисков старых знакомых.

Отпевали Петьку в церкви – кособоком деревянном строении, где вел службы местный поп Ираклий, почти рехнувшийся от алкоголизма. Поговаривали, будто он вовсе и не священник, а обычный проходимец, удравший в Пропаший Край из-за проблем с законом. Но читать нараспев псалмы, подглядывая в Библию, Ираклий умел – пускай и не на церковнославянском, – а большего от него не требовали. Главное, он не сбивался с текста и держался на ногах, хотя между службами обычно дрыхнул в ризнице пьяный в стельку.

Нынче у Ираклия был звездный час. Ради такого случая он даже протрезвел, а также выстирал и заштопал рясу. А еще братва пригнала ему рабочих, которые выгребли из церкви мусор, оттерли от грязи стены и заколотили дыры в кровле. Гроб для Петьки тоже соорудили достойный. Не лакированный, но по здешним меркам почти элитный.

Одно плохо – достать живые цветы было негде, ибо такой товар в Пропаший Край не возили. Но и с этим затруднением разобрались. Нашлись умельцы, которые сплели из сухой травы венки, а затем украсили их нарезанными из цветных тряпок лентами. Выглядело дешево, но симпатично. И когда похоронная процессия, выйдя из церкви, зашагала по улице, каждый ее участник нес венок, а то и два.

Закрытые бордели вовсе не означали, что шлюх в этот скорбный день оставили без дела. Как раз наоборот, всем им оказали честь сопровождать Дерюгу-младшего в последний путь. Что стало для Погорельска очередным незабываемым событием. Никто доселе и не предполагал, что в городе насчитывается так много работниц этого рода услуг. И немудрено, ведь раньше они никогда не собирались все вместе и не ходили толпой по улицам.

Сегодня же, одетые в темные платья – чересчур короткие и нескромные для похорон, но где было взять другие? – шлюхи брели за гробом своего лучшего клиента и плакали. По большей части, конечно, утирая сухие глаза, но попадались среди шлюх и те, кто ронял не наигранные слезы. Воистину, можно ли, умерев в Пропашем Краю, желать себе более шикарный похоронный эскорт? Вряд ли.

Короче говоря, Петька мог бы порадоваться. Учитывая, сколько бандитов в Погорельске зарыли без гробов в неглубоких могилах, бросили гнить в сухоборе либо вовсе пропустили через камнедробилку, Дерюга-младший удостоился королевских похорон. И место для его погребения выбрали почетное – на вершине высокого холма, откуда открывался прекрасный вид на Погорельск. В смысле, настолько прекрасный, насколько мог считаться таковым чумазый городишко с кривыми улицами и неказистыми зданиями.

А когда дерюжинцы внесли гроб на возвышенность, зарыли тот в каменистый грунт и отсалютовали Петьке огнем из всех стволов, могила была увенчана трехметровым надгробием работы неизвестного сварщика. Он приварил к толстой металлической плите пару любимых пистолетов и кастет покойного. А над ними в красивой рамке была выгравирована любимая

Петькина присказка: «Спокуха, братаны, прорвемся! Держи масть, живи громко, уйди красиво!»

Никого не смутило, что с финальным пунктом этого девиза у Дерюги-младшего вышла промашка. Но если кто-то и имел на сей счет возражения, он держал их при себе. Отговоров красивые речи, скорбящие оставили засыпанную венками и стреляными гильзами могилу дождю и ветру и пошагали обратно в город. Туда, где намеревались справлять по Петьке тризну, грозящую затянуться на несколько дней, а то и на неделю.

Старик тоже мог пойти и взять свой бесплатный стакан бухача – только не в «Мазутном счастье», куда ему с недавних пор был заказан путь, – но он не хотел глотать это мерзкое пойло. Водка, которой угостил его Крапчатый, не пошла ему впрок. По дороге домой избитого Старика все-таки стошнило, а потом мутило до самого утра, так что работалось ему назавтра тяжело. Но сегодня возвращаться в барак, не пропустив пару кружечек пива, было не резон. Как-никак, выходной, спасибо за него покойному Дерюге-младшему.

В «Козырного короля» Старик не пошел, хотя этот бар находился по пути к дому. По слухам, там должен был справлять поминки по брату Мирон и вся его банда. Даже если Старика туда впустят, ему будет неуютно среди тамошней публики. Оставались на выбор «Южный ветер» и «Пять звезд». Но во втором пиво стоило дороже, так что на самом деле выбора и не было.

– На халяву – только бухач! Не пиво, – уточнил бармен «Южного ветра», видимо, решив, что этот клиент недопонял сегодняшнее правило. Мысль о том, что кто-то может отказаться от дармовой выпивки, бармену в голову не приходила.

– Спасибо, я бы с удовольствием, да печень побаливает, – соврал Старик. – Выпью за упокой Петра Дерюжного кружечку-другую «Погорельского». Надеюсь, он на меня не обидится.

Бармен пожал плечами – тебе виднее – и выполнил заказ. Все столики были заняты, поэтому Старик остался у стойки, где располагались одинокие посетители вроде него. И, сняв шапку, стал потягивать пиво в своей неторопливой манере.

Увы, побаловать себя второй кружкой не получилось. Разогретые дареным стаканом, выпивохи продолжили поминки за свой счет, однако две компании в баре не питали друг к другу симпатий. До открытых угроз дело еще не дошло, но Старик чувствовал, как накаляется атмосфера в зале. И почти не сомневался: без драки не обойдется. Допив пиво, он расплатился и покинул бар, прежде чем кто-то испортил ему вечер.

На улице уже смеркалось и накрапывал дождик. Желая срезать путь до барака, Старик свернул в ближайший проулок... и через двадцать шагов мысленно обругал себя за то, что выбрал эту дорогу.

Ничего опасного впереди не происходило. Угроза была не явная, а лишь вероятная, но Старик всегда старался избегать и таких.

Навстречу ему шагала большая нетрезвая компания. А проулок был слишком узким, чтобы разойтись с нею, не привлекая к себе внимания. Вдобавок Старик с первого взгляда понял: это не бурилы, а дерюжинские бандиты, нарывающиеся на которых сегодня ему подавно не хотелось.

Разворачиваться и убегать тоже было рискованно – а вдруг разгоряченные бухачом головорезы бросятся вдогонку или начнут палить Старика вслед? Поэтому он отошел к стене и, прижавшись к ней спиной, потупил взор. Иными словами, прикинулся мелким и ничтожным – авось да пронесет.

Компания поравнялась со Стариком и, казалось, даже не заметила его. Но едва он собрался облегченно вздохнуть, как вдруг идущий впереди дерюжинец придержал остальных и вернулся к Старика. Тому пришлось волей-неволей поднять глаза и взглянуть этому человеку в лицо, так как пялиться ему на ботинки было бы невежливо.

– Черт возьми, да я тебя знаю! – воскликнул дерюжинец. Он был низкорослым и походил на татарина: чернявый, скуластый, бровастый и кареглазый. – Ты – тот самый бродяга из Острога, которому «максималку» впаяли, я прав?

Старику лицо «татарина» тоже показалось знакомым. Но – смутно, а значит, в последний раз они виделись очень давно.

– Верно вы говорите, – не стал отнекиваться бывший зэк. И счел нужным уточнить: – Но я не сбежал – откинулся недавно.

– А я – шесть лет назад, – признался дерюжинец. – Чулым меня зовут. Колька Чулым. Припоминаешь, небось?

– Само собой, – теперь окончательно вспомнил Старик. – Вы сидели в одной камере со своим другом Гирей, которого частенько запирали в карцер – ух и любил же он побузить. Жаль парня. После вашего освобождения он устроил очередной бунт, во время которого его и убили.

– Ага, так оно и было, – закивал Чулым. – Хотя на что Гирия всегда напрашивался, то и получил, чего уж там. А про тебя рассказывали, будто ты загремел в Острог аж сразу после Первой Уральской. Тогда, когда в здешних краях про Дерюжных и слухом не слыхивали. В те годы делами тут управлял этот... как его... Лопата, кажется.

– Мотыга. Семен Мотыга его звали, – уточнил Старик. И больше ничего добавлять не стал. Потому что на собственном горьком опыте убедился, что бывает, если в Погорельске заикнуться о Семене, да еще добрым словом.

– Доводилось слышать о нем. И о тебе кое-что. Это ведь тебя звали...

– Идем, Колян! – поторопил его один из громил. – Времени в обрез, а нам еще в три места зайти надо.

– Да, Культияпый, идем, – всполошился Чулым. – Что-то я и впрямь заболтался... Кстати, чем ты занимаешься теперь, бродяга?

– Работаю в дорожной службе, – признался Старик. – Заделываю дыры в шоссе после землетрясений.

– Ишь ты! Любишь физический труд на свежем воздухе? Это хорошо. – Чулым ненадолго задумался и неожиданно предложил: – А подкалымить не хочешь? Сегодня ночью, часа в два или в три?

– И что за калым? – Якшаться с дерюжинцами Старику претило, но отвечать им с ходу отказом он побоялся.

– Как раз по твоей части – тоже физический труд на свежем воздухе. – Скуластое лицо Чулыма расплылось в улыбке. – Надо будет кое-что погрузить и выгрузить. Шестьдесят или около того мешков. Тяжелых, но ты будешь не один, а с напарником. Не дрейфь – все законно. Просто дело неотложное, а наши грузчики, чую, упрутся вдрызг. Но как им запретишь – повод-то уважительный. А ты, я гляжу, до сих пор трезв, так что либо пьешь мало, либо вообще не пьешь. Короче говоря, наверняка под утро будешь стоять на ногах. И разбогатеешь на четыреста юаней.

– Хорошие деньги за погрузку всего одной машины, – заметил Старик.

– Говорю же, дело неотложное, а мешки тяжелые. Поэтому не мелочусь, – повторил Колька. – Ладно, знаешь, где заброшенные склады «Турбо Ойл»?

Старик кивнул. Не далее как позавчера его бригада чинила участок шоссе, проходящий мимо этих ржавых ангаров.

– Ну вот, приходи туда к часу ночи, – продолжал Чулым. – Машина будет ждать там. Водила знает, куда и во сколько подъехать. С ним доберетесь до места, он все тебе растолкует. Короче, давай, бродяга, я на тебя рассчитываю. Ах да – вот, держи аванс.

Чулым вынул из кармана мятую купюру в сто юаней и вложил ее Старику в ладонь. Тот от его щедрости слегка оторопел и даже не знал, что сказать: то ли поблагодарить, то ли все-таки вежливо отказаться.

– А теперь бывай! – распрощался с ним Колька, прежде чем Старик определился с ответом. – Не забудь: в час ночи на складах «Турбо Ойл»! Не подведи!

И компания пошла дальше, оставив Старика в проулке с внезапно привалившим ему богатством. Ну или как – богатством... В действительности деньги были небольшие, просто впервые с незапамятных времен Старика платили за еще не сделанную работу.

– Будь ты проклят, Колька Чулым! – Он обреченно вздохнул, сунул купюру в карман плаща и пошел своей дорогой. Только уже не спеша, несмотря на усиливающийся дождик.

Чулым буквально не оставил ему выбора. И теперь, хочешь не хочешь, придется идти на эту чертову ночную подработку. Или, может, не ходить, а отыскать завтра Кольку, сослаться на какую-нибудь болезнь и вернуть ему «сотку»? Как сильно его это обидит? Да пусть и не сильно, но объясняться с ним все равно придется. А что Старик теряет, если согласится? Вроде бы ничего. Силенок закинуть в грузовик мешок, даже тяжелый, у него хватит. Тем более с напарником.

Одно смущает: что за срочность перевозить мешки глубокой ночью? Незаконный груз? Ха, да такого в Пропащем Краю не существует в принципе, пригони ты сюда хоть эшелон с наркотиками. У «святых» из Острога есть в Погорельске контора, но они начинают чесаться лишь тогда, когда случается убийство. Иные же преступления их не волнуют – «святые» борются с ними единственным способом: читают на улицах проповеди о вечных ценностях. Столь же тошнотворные, как те проповеди, которые Старика двадцать пять лет читали в Остроге едва ли не каждый день.

«Ладно, схожу – от меня не убудет, – решил наконец Старик уже на подходе к дому. – Да и четыреста юаней мне не помешают. Ботинки совсем истоптались, и новые парадные штаны надо бы прикупить. Ну а если что-то вдруг не так...»

Он не знал, как ему быть, если что-то пойдет не так. На самом деле все уже шло не так, как он планировал. И гадать наперед, что ждет его грядущей ночью, было не резон. Одно радовало: ему не придется до утра ворочаться на нарах, слушая пьяный храп вернувшихся с поминок соседей и дыша вонью их перегара...

Глава 7

– Никто не забыл последнюю просьбу Чулыма? – спросил Мизгирь у приготовившихся к атаке бойцов.

– Так точно, – отозвался за всех Ушатай, стоящий рядом с командиром. – Кольке нужны несколько живых дерюжинцев. Затем, чтобы сделать их крайними и отдать «святым», которые нагрянут в Погорельск на запах свежей крови.

– Все верно, – подтвердил комвзвода. – Поэтому не мочите тех, кто валяется в полной отключке, а просто свяжите их, и все. Остальных, кто будет дергаться, – в расход. Других пленных не брать.

– Как тогда на Урале, при штурме перевала Карасыи горы? – спросил Ярило.

– Примерно так, – кивнул Мизгирь. – С той лишь разницей, что на Карасьих горах мы дрались с солдатами вроде нас. А сегодня воюем с конченой мразью и «зверьем»...

Отказавшихся лезть в пекло не было. Все члены клуба сказали «да», когда узнали, что Чулым не стал торговаться и готов выплатить каждому из них по шестьдесят «кусков». Но с одним условием: основную грязную работу в таком случае придется делать стрельбанам, а наниматели будут у них на подхвате.

Условие Мизгирию не понравилось. Но, с другой стороны, так было даже лучше. Теперь комвзвода мог разработать свою тактику атаки, а не подлаживаться под чулымцев, чей план укладывался в одно короткое предложение: «Ворваться в «Козырного короля» и перебить всех».

То же самое намеревался сделать и Мизгирь. Только его команде предстояло врываться в бар с умом и наименьшим шумом.

Каждый стрельбан одел черный полевой комбинезон, бронежилет без опознавательных знаков и скрывающую лицо шапочку-маску. Шлемы брать не стали. Они у охранников Горюева были новые и слишком приметные. Для полного счастья не мешало бы прихватить с собой бесшумное оружие, но на трех буровых и в арсенале клуба отыскалось лишь три «Вала», два «винтореза» и два арбалета. Негусто, но все же лучше, чем ничего.

В Погорельск прибыли с наступлением темноты на трех машинах, которые оставили на пустыре за городом. «Козырной король» находился на главной улице, и поджечь его было нельзя – пожар мог перекинуться на соседние здания. Так что самый простой способ истребить дерюжинцев отпадал. Поэтому наемники подкрались задворками к автомастерской, что располагалась напротив бара, выломали дверь черного хода и засели в темном здании, ожидая условного сигнала. Который должен был подать сам Чулым.

Он и его бригада также участвовали в поминках, дабы не вызывать у Мирона подозрений. Неизвестно, как чулымцы собирались не упиться вдрызг, но Колька заверил Мизгирия, что все будет тип-топ. Пока что капитан в этом сомневался. Он видел из окна мастерской, в каком состоянии выходят наружу участники попойки, и слышал доносящиеся из бара пьяные вопли.

Как бы то ни было, но последние звучали все реже и реже. Желающих подышать свежим воздухом или покурить на крыльце тоже становилось все меньше. Трех едва стоявших на ногах дерюжинцев увели из бара шлюхи, которых также пригласили на тризну (видимо, по старой дружбе, а не по службе, хотя как знать). Больше никто «Козырного короля» не покидал. Свет горел во всех окнах, а поскольку на втором этаже были жилые комнаты и офис братьев, значит, хозяева и гости разбрелись к этому часу по всему зданию. Как хотелось надеяться – в поисках кровати и иной мягкой мебели.

Лишь бы только сам Чулым не напился и все не проспал. С одной стороны, наемники при этом ничего не теряли. Но с другой – оставались без награды, ибо глупо было ожидать от Кольки денежную компенсацию за «ложный вызов».

Первый противник, с которым столкнулись этой ночью стрельбаны, был не бандитом, а вернувшимся домой хозяином автомастерской. Впрочем, они его ждали, и он не застал их врасплох. Будучи навеселе, он ковырялся ключами в замке до тех пор, пока дверь вдруг сама не открылась и чьи-то сильные руки не втащили его внутрь. Но ни возмутиться, ни удивиться хозяин не успел – его сразу же оглушили, связали и забили ему в рот кляп.

На часах было без десяти два, когда из бара наконец-то вышел Чулым. Как он и обещал – держась на ногах и сохраняя ясность рассудка.

На крыльце Колька достал сигарету и закурил. Это и был условный знак, простой и не вызывающий подозрений. Для обычных перекуров Чулым выходил на задний двор. Но раз он объявился здесь, это означало, что дело не отменяется и все по-прежнему в силе.

– Колька подает знак. Арбалетчики – на позицию. Атакуем по команде, – оповестил всех Мизгирь. После чего Ушатай и Заика сняли засов с ворот мастерской и приготовились их распахнуть. Вооруженные арбалетами Барсук и Турок встали так, чтобы выстрелить сразу, как только ворота откроются.

Мизгирь продолжал следить за Чулым из окна. Тот не спешил, видимо, давая время своим головорезам выйти на задний двор и рассредоточиться. Их задачей было убивать тех дерюжинцев, которые станут выпрыгивать из окон или добегут до черного хода. Работу внутри здания наемники взяли целиком на себя. Не столько ради награды, сколько ради того, чтобы подвыпившие наниматели не лезли в запарке под их пули.

Докурив сигарету, Чулым затоптал бычок и направился обратно к двери.

– Внимание! – Мизгирь позволил Кольке войти внутрь, досчитал до пяти и лишь тогда дал отмашку: – Что ж, всем удачи!.. Вперед!

Верил или нет Мирон в случайную гибель брата, но об осторожности он не забывал. На крыльце все время дежурили два охранника, которых через пару часов сменяли другие. Такая же охрана стояла на заднем дворе, но с нею обещали разобраться чулымцы. Головорезы у парадного входа были заботой стрельбанов. Правда, совсем недолгой.

Едва распахнулись ворота, как из мрака гаража вылетело сразу два арбалетных болта. Каждый вонзился в сердце одного из дерюжинцев. Прислонившись к стене у двери, они являли собой хорошие мишени, по которым не промазал бы даже Илюха... если бы у него хватило духу выстрелить в противника, стоящего к нему лицом.

Пронзенные стрелами бандиты, хрипя и обливаясь кровью, еще сползали по стене, а команда Мизгиря уже шла на штурм «Козырного короля».

Наемники пересекли улицу и, взбежав на крыльцо, ринулись друг за другом в дверь. Арбалеты были отброшены. Теперь в руках у Барсука и Турка было огнестрельное оружие, и они пропустили вперед себя соратников с «Валами» и «винторезами»: Мизгиря, Кайзера, Пенделя, Горыныча и Малахая. А им предстояло выкосить по-тихому как можно больше врагов, прежде чем грянет настоящая пальба.

В том, что она грянет, никто не сомневался. В баре пьянствовала почти вся банда Мирона, перебить которую без единого ответного выстрела было бы невероятной удачей. Таких везучиков в группе Мизгиря не водилось.

Работа закипела прямо с порога.

Первыми целями наемников стали дерюжинцы, которые были на ногах. Не в смысле «были недостаточно пьяны», а в буквальном – не сидели на диванах и в креслах, а ходили по бару. Эти бандиты могли первыми выхватить оружие, а значит, первыми их и требовалось уничтожить.

В ударной пятерке Мизгирь шел последним. И ему, согласно боевому порядку, достался крайний слева сектор обстрела. «Прямо как ростовая мишень в тире», – мелькнуло в голове комвзвода, когда в прицел его «Вала» угодил противник, стоящий к нему лицом и наливающий

себе выпивку из бутылки. Бандит и упал, словно пораженная мишень, поймав грудью короткую очередь, разве что грохоту при этом издал больше.

А Мизгирь чуть опустил ствол «Вала» и прострелил спинку кресла, над которой торчал чей-то затылок. Последняя пуля вошла прямо в него, и содержимое этой головы разлетелось кровавыми брызгами по выцветшим обоям. Кто стал второй жертвой комвзвода, он не увидел. Наполовину обезглавленный труп наклонился вперед, но не выпал из кресла, а так и остался сидеть в нем.

Справа от капитана чихали другие «Валы» и «винторезы». Еще трое расхаживавших по бару дерюжинцев были наспигованы свинцом, не успев схватиться за оружие. И лишь когда мертвые тела стали падать на пол под звон бьющихся стаканов и бутылок, тогда пьяная братва всполошилась и начала сопротивляться.

– Че за на!... – заорал было вскочивший с дивана растрепанный головорез, досылая патрон в патронник своего «браунинга». Мизгирь тут же всадил в крикуна три пули: одну в бок, вторую в плечо, а третья снесла ему нижнюю челюсть.

Прежде чем упасть замертво, бандит ощупал рукой неимоверно расширившийся рот. И, судя по выпученным глазам, немало этому удивился. А Мизгирь уже выпускал остаток магазина в очередную жертву.

Этот головорез решил не выскакивать под пули, а, наоборот, упал на четвереньки и пополз к выходу в подсобные помещения. Не дополз. Короткая очередь вспорола ему спину, и он распластался на полу в двух шагах от спасительной двери.

– Перезаряжаю! – крикнул Мизгирь. Почти одновременно с ним то же самое прокричал Малахай. У Кайзера, Пенделя и Горыныча еще оставались патроны, и они взялись стрелять одиночными, дабы успеть прикрыть товарищей, пока те меняют магазины.

Первые ответные выстрелы грянули, когда оружие перезаряжали Горыныч и Пендель. Трое дерюжинцев, сумев не нарваться на свинцовый шквал, добежали до стойки, где заняли оборону. Палили они из пистолетов наугад, высунув руки из-за укрытия. Вдобавок все трое были пьяны, и их пули летели над головами наемников, разбивая парадные окна и дырявя простенки.

Что ж, бесшумное оружие помогло стрельбанам отыграть время. Они почти зачистили главный зал до того, как в «Козырном короле» начался переполох. Но теперь, когда все в баре знали о налете, соблюдать тишину не было смысла. И наемники шарахнули по врагу уже из всех стволов.

– Мы справимся! Вторая группа – наверх! – приказал Мизгирь Кайзеру, и тот повел свою команду к лестнице. А комвзвода и семеро его бойцов сосредоточили огонь на стойке, прикрывая идущих на второй этаж товарищей.

Стойка была сделана из толстых досок, но от автоматных пуль защищала плохо. Дерюжинцы вжались в пол, поскольку деваться им было некуда. Чем Мизгирь и воспользовался. Жестом велел команде продолжать удерживать врага на полу, сам он прихватил с собой Турка, и вместе они обошли стойку сбоку. После чего расстреляли лежащих бандитов в спины, не обращая внимания на их вопли о пощаде.

Едва группа Кайзера скрылась из виду, как наверху тоже грянула яростная пальба. У Мизгирия же хватало забот на первом этаже. К главному залу, кроме подсобок и кухни, примыкала еще бильярдная, где в данный момент что-то грохотало. Кажется, там переворачивали столы и тоже готовились к обороне. Наказав Чугуну и Салаиру приглядывать за кухней, капитан и остальные поспешили на шум, пока враги не успели соорудить баррикаду.

С визгом выскочившая из бильярдной шлюха, видимо, хотела удрать из бара. Увы, это был явно не ее день. Стоило ей наткнуться на стрельбанов, как бабахнул дробовик Барсука, и последние шаги ее тело пробежало уже без головы. Барсук едва успел отступить в сторону, а иначе оно врезалось бы в него.

– Вашу мать! Падлы! Суки! Волки позорные! – наперебой заорали из бильярдной. Но когда Мизгирь туда заглянул, то понял, что наемники успели вовремя. Пятеро осоловевших спяну дерюжинцев перевернули лишь один стол и еще только взялись за второй. Трое из них работали, а двое их прикрывали. Но у первых ничего не вышло. Выпущенная комвзводом очередь прошла одного из них, ранила другого, а третий не удержал в одиночку тяжелый стол и уронил его обратно.

К Мизгирию присоединились остальные. Пока он прикрывал их огнем, они разбежались по бильярдной и тоже стали решетить перевернутый стол пулями, не дав укрывшимся за ним дерюжинцам ни шанса на спасение.

Последний из них, подобрав второй пистолет, решил выскочить навстречу убийцам, паля из двух стволов. Прямо как в кино. Однако желание героя умереть красивой смертью не сбылось. Он сделал лишь пару выстрелов до того, как Хан перебил ему очередью оба колена. Упавший ничком бандит пронзительно закричал. И умолк, когда через секунду ему в спину впилося не меньше десятка пуль.

На его тяжелораненых приятелях боеприпасы уже экономили – пуля в голову, и вся недолга. Добывая их, комвзвода отметил, что троих из них – Бочу, Плевого и Финта – он хорошо знает. Это они участвовали в налете на горюевские нефтевозы и ушли от наказания, когда полковник велел Мизгирию утрясти с Дерюжными это разногласие по-мирному.

Ну вот и поквитались! Жаль, что убить этих тварей пришлось быстро, не промариновав их пару недель в Гламурной яме и не подарив их Горюеву в качестве мишеней. Да и черт с ними! От добра добра не ищут. И то, что эти трое вообще погибли от рук стрельбанов с «Гордой», а не чьих-то еще, – настоящая высшая справедливость, очень редкая для Пропащего Края...

Глава 8

Пока Мизгирь достреливал врагов, его соратники вернулись в зал, где снова разразилась пальба и звенели пробиваемые пулями кастрюли. Стреляли из кухни. Также кто-то истерически вопил, обещая напавшему на бар врагу такие кары, на какие у пьяного дерюжинца хватило фантазии.

Впрочем, его слова не были пустым звуком – он уже успел прострелить бедро Чугуну. Которого, к счастью, Салаир уволок из-под огня в безопасный угол.

«Ну почему вы не сбежали через черный ход под пули чулымцев!» – с досадой подумал Мизгирь, глядя на перекошенное от боли лицо Чугуна, разрывающего солдатский медпакет. После чего велел Хану, Барсуку, Салаиру и Горынычу обстреливать кухню через дверь, что вела туда из бара. А сам с Турком и Ушатаем решил обойти врага с фланга, по подсобным помещениям.

Они тоже не пустовали. Повара и посудомойку, что забились под стол в бытовке, наемники не тронули. Эти двое хоть и испугались, но не метались под пулями в поисках выхода. Зато первый же, кто выскочил из кухни в коридор, нарвался на очередь в живот.

Это был коротышка, у которого не оказалось в руках оружия. Но к поварам он тоже не принадлежал. На это указывали его наколки, которыми он покрыл даже лицо и голову. Однако Ушатай не оценил творчество неведомого ему мастера тату. Проходя мимо скорчившегося в луже крови коротышки, наемник выстрелил ему в затылок. Чем испортил не только татуировку, но и бандитские мозги, разбросав те по дощатому полу.

Напротив бытовки находился туалет, чья дверь была заперта. Тот самый туалет, где скоропостижно оборвалась жизнь Петьки Дерюжного. И где, по идее, также следовало лежать траурным венкам, хотя, конечно, их там не было. Зато у кого-то из бандитов могло хватить ума занять в туалете оборону.

Прежде чем туда заглянуть, Турок дважды шарахнул в дверь из дробовика. А затем пинком распахнул ее и изрешетил картечью кабинки, истратив по одному патрону на каждую.

Из самой дальней прогремели два ответных пистолетных выстрела. Турок пригнулся, но, как оказалось, обе вражеские пули ушли в потолок. Не иначе, отведавший свинца дерюжинец спустил курок инстинктивно. Наемник всадил в дверь его кабинки еще одну дозу картечи и лишь затем проверил его самочувствие.

Добавка не понадобилась. Россыпь кровоточащих дырок в лице и шее туалетного вояки гарантировала, что он не оживет.

Между тем ранившие Чугуна бандиты попробовали удрать из кухни через заднюю дверь. Тщетно. Нарвавшись на огонь чулымцев, они оказались в ловушке и не знали, как из нее выбраться. Враг обложил их спереди и сзади, и лишь из двери, что вела в коридор, в них пока не летели пули.

Мизгирь велел Турку и Ушатаю повременить и не соваться на кухню. Вместо этого они взяли на прицел дверь, дожидаясь, когда «зверь» сам побежит на ловцов. Ожидание не затянулось. Высунувшийся в коридор громила нарвался сразу и на пули, и на картечь. Передозировка свинца отбросила его назад, и он выпал из двери черного хода во двор уже мертвым.

Второй и последний на нижнем этаже живой дерюжинец шарахнулся обратно на кухню. Но Ушатай успел прострелить ему бок, и он, заорав, упал сразу за порогом. После чего заелозил по полу, стараясь отползти от двери.

Вбежавший на кухню первым Мизгирь решил добить подранка, но старенький «Вал» дал осечку. Капитан передернул затвор, однако выброшенный из патронника патрон оказался последним. Мизгирь мог бы двинуть бандита прикладом или из пистолета, но тут его взгляд наткнулся на грязную кастрюлю с кипятком, которую повара отмачивали на плите после ужина.

– Это тебе за Чугуна, сволочь, – прорычал комвзвода, роняя кастрюлю на голову бандита. А пока тот блажил, схватившись ошпаренными руками за ошпаренную голову, комвзвода поменял автоматный магазин, после чего добил страдальца пулей в лоб.

– Вы двое! – Мизгирь указал на Барсука и Турка, когда группа вновь собралась вместе. – Живо на улицу! Караульте «святых». Позаботьтесь о них, если они вдруг сюда заявятся. Только без крови, вам ясно?

Барсук показал капитану большой палец, и они с напарником заторопились к парадному входу.

Вряд ли трое дежурящих в городе наблюдателей Святого Острога станут вмешиваться в драку. Но если они прибегут на шум, это тоже не обещало ничего хорошего. Убить же их означало объявить войну «святым», на что в Погорельске никто не отважился бы. Впрочем, наемники обсудили эту проблему еще до того, как отправились на дело. И были готовы разобратся с нею, как и с остальными своими проблемами.

Судя по непрерывающейся стрельбе наверху, группа Кайзера не смогла захватить второй этаж нахрапом и получила отпор. А судя по отсутствию пистолетных выстрелов, у Мирона нашлось под рукой оружие посерьезнее. И Мизгирь повел своих бойцов на подмогу замкомвзводу.

В целом Кайзер сработал неплохо. Его ребята прошли по комнатам, оставив за собой полтора десятка трупов. Камнем преткновения для них стал кабинет главара, находящийся в конце коридора. Пока наемники расчищали себе путь, Мирон и кто-то из братвы схватили автоматы. И теперь обстреливали коридор сквозь двери офиса.

Патронов у них явно куры не клевали. В массивных резных дверях зияли уже не просто дыры, а продолбленные пулями бреши. А Дерюга-старший палил без остановки, разражаясь между очередями потоками брани.

Стрельбаны в долгу не оставались и огрызались из всех стволов, внося свой вклад в разрушение двери. Но хозяева кабинета оставались неуязвимыми, видимо, отстреливаясь из-за какого-то пуленепробиваемого заслона.

– Эх, гранату бы сейчас! – посетовал Кайзер, когда Мизгирь засел неподалеку от него за чугунной печкой-буржуйкой. – Зря не захватили парочку. Уже бы закружились и разошлись по домам!

Комвзвода в ответ лишь отмахнулся: не говори ерунды, сам знаешь, что нельзя. Чулым предупредил наемников, что в «Козырном короле» Дерюжные могли запрятать под полом ящики с тротилом, поэтому метать гранаты здесь было равносильно игре в русскую рулетку. Если взрывоопасный тайник сдетонирует, на воздух взлетит не только бар, но и половина города.

– Живьем кого-нибудь взяли? – спросил Мизгирь у Кайзера во время короткого затишья.

– Скрутили трех бухариков в кальянной. – Зам указал на первую дверь от лестницы. – Больше не удалось.

– Ну хоть что-то, – заметил капитан. – У нас по нулям. И Мирон, чую, живым не сдастся.

Новая очередь из кабинета впилась в коридорный пол и сорвала с него доску. Мизгирь глянул ненароком в образовавшуюся дыру, недолго подумал, а затем вновь обратился к Кайзеру:

– Есть одна мысль. Оставайся здесь с тремя людьми, продолжайте обстреливать кабинет. А я возьму остальных и попробую дотянуться до Мирона с первого этажа.

– Ты уверен?

– Здесь дощатые перекрытия. Если мы со склада ударим из всех стволов в потолок, деваться Мирону будет некуда...

Претворять идею Мизгиря в жизнь отправились вдвоем. Снизу было легко вычислить, где находится последний рубеж дерюжинской обороны. Рассредоточившись по складу,

стрельбаны направили автоматы в потолок и, дождавшись команды, нажали на спусковые крючки.

С просыпанного потолка обрушилась туча щепок и пыли, которая едва не запорошила стрелкам глаза, но цель была достигнута – стрельба наверху умолкла. И все же в последний момент случилось то, без чего Мизгирь надеялся сегодня обойтись. И что испортило ему и остальным радость от победы.

Поначалу Мизгирь не сообразил, что это было. Свинец превращал потолок в решето, как вдруг из шеи Малахая брызнула струя крови, а сам он выронил автомат и завалился на пол. Лишь потом выяснилось, что, прежде чем издохнуть, Мирон и его подручный начали расстреливать пол. И хоть их контратака была недолгой, одну жертву бандитские пули все-таки нашли.

Группа все еще вела огонь по потолку, когда капитан, схватив Малахая за шиворот, выволок его в коридор. Пуля вошла комвзводу «Щедрой» в голову над правым виском, а вышла из шеи, вырвав кусок плоти. Из раны хлестала кровавая струя, а когда Мизгирь попытался заткнуть выходное пулевое отверстие, кровь хлынула у Малахая изо рта. И он даже не закашлялся, потому что уже был мертв.

Мгновенная смерть – для Пропащего Края это было почти что благо...

– Соболезную насчет твоего человека, – сказал Чулым после того, как Дерюга-старший отправился следом за братом в бандитскую Вальхаллу и наемники известили об этом Кольку. – Но он ведь знал, на что подписывается, верно?

– Никаких предьяв. За его гибель мы к тебе не в претензии, – ответил Мизгирь, вытирая липкие от крови Малахая руки кухонным полотенцем. – Но его долю ты нам все равно выплатишь.

– Разве я отказываюсь! – пожал плечами Чулым. – Отличная работа, стрельбаны! А за пленных – отдельный респект. Мои ребята переловят к утру всех дерюжинцев, что еще остались в городе. Завтра Острог получит своих жертвенных баранов. Кстати, что там с местными «святыми»?

– Ничего страшного. Нарвались в темном переулке на электрошокер, когда шли выяснять, что здесь творится, – ответил комвзвода. – Мы уложили их баиньки в автомастерской напротив бара. Связывать не стали – просто подперли снаружи двери и ворота. Уже скоро они начнут тарабанить и требовать, чтобы их выпустили. Сделайте это и скормите им свою версию событий. Но только когда мы исчезнем.

– Да не вопрос. Протрем им уши за милую душу. Не поверят – их проблема. Но лучше бы им поверить, если хотят, чтобы их грузовики со жратвой спокойно доезжали до Острога.

– Ваши разборки со «святыми» нас не колышут, – напомнил капитан. – А вот расчет за наши услуги беспокоит. Уговор был на половину суммы сейчас, а половину – через неделю, так?

– Культяпый! Отдай стрельбанам бабки. – Чулым подозвал одного из подручных, в руке у которого был большой пакет для мусора, набитый чем-то не слишком тяжелым.

Мизгирь взял у Культяпого пакет и заглянул внутрь. Там лежали перетянутые канцелярскими резинками пачки юаней. В основном десятки и двадцатки, изредка попадались пятидесятки. Самые ходовые купюры в погорельских борделях и казино.

– Как и обещал, тут ровно половина, – заверил наемника Колька. – Хочешь, пересчитай, но я не Дерюжный. У меня все точно, как в аптеке, без кидалова. Да и разве мне охота, чтобы однажды ночью вы точно так же нагрянули сюда по мою душу? Ну а как только разгребем бардак, сразу получишь остальное бабло. Лады?

– Хорошо, буду ждать звонка, – не стал спорить Мизгирь. Осмотрев несколько пачек, он удостоверился, что все купюры отсортированы по номиналу, прикинул на глазок количество

пачек и решил не тратить время на пересчет. В конце концов, у Чулыма и так в ближайшее время хватит проблем, чтобы он вдобавок к ним портил отношения с наемниками.

– Договорились, – кивнул новоиспеченный бандитский король. – А сейчас извини, нам пора распрощаться – есть срочные дела в городе. Да и вам лучше тут не задерживаться.

– Не будем. И так задержались дольше, чем нужно, – проворчал Мизгирь. Затем передал деньги Кайзеру, подошел к сооруженным из разбитого стола носилкам, на которые уложили тело Малахая, и сам взялся за одну из ручек.

– Выходим через задний двор, – распорядился он. – Маски не снимать, на свет не высываться. И следите, чтобы за нами не увязался какой-нибудь любопытный.

– Пускай только увяжется, – ответил Кайзер. – Если не дурак, сам поймет, что сглупил, и отстанет. Ну а если дурак, туда ему и дорога. Патроны у меня еще есть...

Глава 9

– Здорово, бродяга! Ты прямо минута в минуту, – подал голос водитель. Он стоял и курил возле «Донгфенга», поджидающего Старика у складов «Турбо Ойл». – Это хорошо. Не люблю тех, кто опаздывает.

– Мне велели прийти ровно в час ночи, вот я и пришел, – отозвался Старик. – А где мой напарник?

– Прямо перед тобой. Вдвоем будем пупки надрывать. Кроме нас, больше никого нет.

– Добро, пусть так. – Старик пригляделся к водителю и узнал в нем одного из «быков», что сопровождали Чулыма в том проулке. Странно, что Старика не представили будущему напарнику еще там. Ну да бог с ним. Возможно, Колькины планы успели измениться, и этот громила тогда еще не знал, чем ему предстоит заниматься ночью.

– Тебя как звать-то? – спросил он, пуская из ноздрей сигаретный дым.

– Генка, – соврал Старик. Все равно это был первый и последний раз, когда он работал на Чулыма. Заводить среди его «быков» знакомых он не собирался.

– А я – Кирюха, – представился в ответ водила. – Но пацаны меня Дубаем кличут.

– В честь города, что ли? – спросил мнимый Генка, стремясь выглядеть дружелюбным.

– Ага, – подтвердил Кирюха. – У меня троюродный брат Серега в Дубае обосновался. Вот я пацанам все уши и прожужжал, что тоже когда-нибудь туда уеду. Бабок только подниму, чтобы там перекантоваться, пока связями не обзаведусь и дело свое не раскручу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.